

Юрий Прокопенко

Я — директор

Конец империи

Юрий Прокопенко

Я – директор. Конец империи

«Издательские решения»

Прокопенко Ю. И.

Я – директор. Конец империи / Ю. И. Прокопенко —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835761-9

Как стать директором института, как получить то, о чем мечтал герой всю свою жизнь ученого? И вот теперь это свершилось. Он — директор научно-исследовательского института, доктор наук, профессор. У него грандиозные планы, несмотря на катастрофическое снижение уровня жизни в стране к концу «перестройки». Многие он не успел сделать, и ему пришлось покинуть свой пост. Одновременно и рухнула окончательно советская империя, исчез с карты мира Советский Союз

ISBN 978-5-44-835761-9

© Прокопенко Ю. И.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Приглашение	6
Глава 2. Знакомство	15
Глава 3. Рабочие будни	20
Глава 4. Освобождение	25
Глава 5. Ученый совет	30
Глава 6. Экспедиция	36
Глава 7. Будни доктора Белецкого	41
Глава 8. Поездка в Эрфурт	47
Конец ознакомительного фрагмента.	53

**Я – директор
Конец империи
Юрий Иванович Прокопенко**

© Юрий Иванович Прокопенко, 2016

ISBN 978-5-4483-5761-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Приглашение

В кабинете доктора Белецкого раздался телефонный звонок. Иван помедлил чуть-чуть, отложил бумаги в сторону и взял трубку.

– Алло, слушаю вас.

– Это Иван Павлович? Здравствуйте. Не узнаете меня?

– Пока нет, хотя голос знакомый.

– Привет Иван, это я, Зина Веркова.

– О-о, Зина, привет. Как же узнал, хотя давно и не слышал тебя. Где ты сейчас?

– Я сейчас в институте дезинфекции, в международном отделе, у меня все нормально.

А ты как?

– Ничего, тоже все нормально, хотя, как говорят, могло быть и лучше.

– Иван, я чего звоню. У меня к тебе деловое предложение. Помнится, ты еще до Кабула искал место заместителя директора. Так?

– Да. Такая потребность осталась.

– Так вот, Иван. У нас в институте как раз сейчас имеется вакантная должность заместителя директора, и мой шеф попросил меня помочь ему в этом деле. Как ты на это смотришь?

– Институт дезинфекции? Как-то неожиданно для меня. Даже не знаю, что тебе ответить.

– Послушай, приходи, познакомишься с нашим директором, мировой мужик.

Иван согласился. Договорились о встрече. И вот через пару дней Иван стоял перед дверью незнакомого ему института. Он прочитал табличку с его названием. Итак, дезинфекция и стерилизация. Что он знает об этом? И много и мало. Много о том, что это означает и для чего это нужно. И мало – о сути и внутренних проблемах этих понятий. Он врач, гигиенист и токсиколог, доктор медицинских наук и вдруг дезинфекция. Пока он размышлял, таким образом, одна из створок стеклянных дверей открылась и в проеме показалась Зинаида. Она была давнишней знакомой Ивана: они вместе проработали в институте гигиены много лет.

– Ну, что стоишь? Входи, не стесняйся. Может быть, этот институт станет твоим.

Иван поздоровался с Зинаидой, та взяла его за руку и повела внутрь здания. Они поднимались по узкой лестнице, и Иван отметил, что здесь было все не так, как в институте гигиены. Здесь не было никаких архитектурных излишеств. Все напоминало типичные здания технических институтов.

– Да, это не наш институт.

– Да уж, это не институт «Сысина». Зато здесь есть вакантная должность заместителя директора.

В приемной их приветливо встретила секретарь, Лидия Ивановна, и тут же по селектору доложила директору о приходе доктора Белецкого.

– Проси, – послышался из динамика уверенный голос немолодого мужчины.

Зинаида распахнула перед Иваном дверь и пропустила его вперед. Иван вступил на ковровую дорожку и направился к столу, за которым сидел хозяин этого кабинета. Петр Петрович был крупным мужчиной небольшого роста, но кряжистый как дуб, с седой шевелюрой и мясистым носом на открытом лице. Он встал из-за стола и протянул вошедшему гостю руку. Рукопожатие сухой крупной ладони было неожиданно крепким для человека, возраст которого приближался к семидесяти.

– Прошу садится, – указал Ивану на стул сбоку от своего стола, – рад вас приветствовать. Познакомься, – продолжил он, указывая на сидящую по другую сторону стола черно-волосую женщину, – это Вера Павловна, ученый секретарь института, моя помощница.

– Вера Павловна, – обратился директор к женщине, – давай пока прервемся. Позже вернемся к нашему вопросу.

Вера Павловна встала и направилась к выходу из кабинета. Ивану показалось, что она была недовольна предложением Петра Петровича и явно хотела остаться и присутствовать при беседе директора с новым кандидатом на пост заместителя. Подойдя к двери, она обернулась и взглянула на Ивана не без любопытства. Случилось так, что в этот момент Иван посмотрел вслед уходящей женщины и их взгляды неожиданно встретились.

Директор предложил Зинаиде сесть рядом с Иваном и беседа началась.

– Иван Павлович, я думаю, что ты в курсе, по какому вопросу я пригласил тебя, – начал Петр Петрович, кивнув в сторону Зинаиды, – у меня образовалась вакантная должность заместителя директора по науке. Татьяна Сергеевна, мой бывший зам, ушла на пенсию три месяца назад, не захотела ждать, когда я подберу ей замену, и вот теперь я все делаю сам. Вера Павловна, конечно, помогает мне немножко, вот Зинаида Семеновна тоже, но сам понимаешь, так вечно продолжаться не может. Ведь так, Зина?

– Конечно, Петр Петрович, вот я и привела Иван Павловича. Лучшего зама вам сейчас не найти.

Иван хотел что-то сказать, испытыв определенную неловкость после сказанной Зинаидой похвалы в его адрес, но Петр Петрович остановил его.

– Скажу прямо, Иван Павлович, мы хоть раньше и не были знакомы, но я навел справки о тебе и только после того, как получил хвалебные отзывы, пригласил тебя на беседу. Так что можешь считать, что моя заявка на тебя как моего зама уже согласована в Минздраве. Остается только получить твое согласие.

Иван опять хотел что-то спросить и, конечно, в первую очередь, его заинтересовало, кто дал в Минздраве лестные характеристики о нем? Но Петр Петрович вновь остановил его.

– Знаешь, я тебе скажу, что сейчас совсем не простое время в стране, да и в институте тоже. Эти новации и игры в демократию совсем помutilи разум кое у кого. Некоторые уже нацелились на эту вакансию без моего согласия, рассчитывая на выборы. Ну как можно выбирать директора и его заместителя по воле общего собрания? Ты можешь себе представить такой беспредел? Какие требования нужно предъявлять претенденту на должность? Какие критерии пригодности? Ну, словом, сам понимаешь.

– Петр Петрович. Мне кажется, что я вполне понимаю вас и разделяю ваши тревоги по поводу всех этих новаций, – Иван успел вклиниться в монолог директора и поспешил выразить свое мнение по обсуждаемому вопросу. – Выбор руководителей научного учреждения должен быть основан на знаниях и опыте работы, но ни в коем случае на волеизъявлении масс, которые подчас могут просто быть не компетентны в своих суждениях. Что касается моего согласия, то дайте мне немного времени, скажу честно, мне надо подумать. Дело в том, что я не специалист в области дезинфекции, хотя имею общие представления об этом. Я, прежде всего, токсиколог и гигиенист.

– Дорогой мой, – прервал его Петр Петрович, – я тоже гигиенист и токсиколог, если хочешь. Но ведь это не важно. В институте имеются прекрасные специалисты, которые знают свое дело. Ведь все знать нельзя. Но важно уметь руководить, организовывать научный процесс. А здесь у тебя, насколько я знаю, богатый опыт. Ведь ты был ученым секретарем проблемной комиссии и всего научного совета по гигиене. Тебе здесь опыта не занимать. Потом, ведь ты доктор наук. У тебя широкие знания по всем гигиеническим вопросам. Одним словом, думай до конца недели, а в понедельник приезжай, и начнем оформляться. Согласен?

– Согласен, – твердо ответил доктор Белецкий своему будущему директору. Сейчас он подумал, что, таким образом, сможет в пику своему директору уйти из под его ревнивой опеки, сковавшей Ивана по рукам и ногам и лишившей возможности самостоятельно рабо-

тать. Он пока не знал, какие проблемы возникнут перед ним, но новое дело само по себе захватывало его. Все-таки во всем этом есть определенная доля авантюризма, а он еще достаточно молод, чтобы избегать таких искушений. В конце концов, и его длительная командировка в воюющий Афганистан тоже была своего рода авантюрой. Ничего, прошло, и даже неплохо получилось.

– Я позвоню к вам в понедельник с утра.

– Вот и хорошо. Думаю, ты не пожалеешь. Зинаида, проводи, пожалуйста, Ивана Павловича. До свидания.

Они крепко пожали друг другу руки.

Зинаида проводила Ивана до двери института.

– Ну, как тебе наш директор? Правда, хороший мужчина?

– Не знаю, как тебе сказать, но напор у него изрядный: слово не дал сказать – все решил сам, не спросив меня. А, в общем, мужчина симпатичный, без церемоний. Сразу на «ты», без стеснений. Может быть, так и лучше.

– А что ты скажешь на счет своего решения? Иван, не задумывайся, приходи. Что тебе сейчас в «Сысине». Там всем правит Николай, а ты ему теперь не друг. Он просто тебе завидует и не даст свободно работать. Ведь ты знаешь, как он влияет на Сидоренко. Тот слушает его во всем и поступает с его подсказки. Ты уже наверно успел это ощутить на себе, когда вернулся из Кабула.

– Да, все это мне знакомо и это обстоятельство как раз и есть главный мотив моего перехода сюда. Если конечно он состоится.

– А что мне сказать Петру Петровичу, ведь он будет спрашивать меня?

– Слушай, а каким боком ты оказалась его доверенным лицом. У тебя какая должность здесь?

– Я ведь тебе сказала? Я просто старший научный сотрудник в международном отделе, а подружились мы с Петром Петровичем в командировке. Знаешь, ему тоже нужны доверенные лица, с кем можно было бы посоветоваться, обсудить проблему. Он сказал тебе, что ситуация в институте не простая и вокруг него ходят темные тучи. Ему на будущий год семьдесят и он боится, что его недоброжелатели не дадут ему спокойно уйти на пенсию. Ты ему сейчас нужен не только как зам, но и как верный товарищ. Понимаешь?

– Ладно, Зина, я пойду. Еще есть время для окончательного ответа.

Вечером в семье Белецкий состоялось совещание. На повестке дня был вопрос о переходе Ивана на новую должность в новый институт. За столом сидели трое: Иван, его жена Людмила и дочь Ирина. Старались проанализировать ситуацию со всех сторон. Разложили все плюсы и минусы и пришли к заключению, что настал момент, когда надо менять место работы. Людмила считала, что Иван и так засиделся в своем институте. Он получил здесь все, что мог и хотел: стал доктором наук, был руководителем отдела, имел учеников, ездил в зарубежные командировки, получил широкую известность как успешный ученый. Что еще? В этом институте нет вакансий для дальнейшего роста, все места заняты, да и отношение директора к нему сейчас совсем не то, что было до защиты диссертации. Поездка в Афганистан подвела окончательную черту под их прежними творческими отношениями. Людмила была уверена, что это его друг Коля нашептал на ухо директору что-то не лестное и потому его отношение к Ивану резко изменилось.

– Надо уходить, – высказала свое окончательное мнение Людмила, – здесь тебе уже ничего хорошего ждать не приходится. Потом, ведь ты сам хотел получить должность заместителя директора института. Ну вот, пусть в другом институте, но не хуже, чем «Сысина». Кроме того, здесь есть перспектива роста. Ты можешь стать директором, а это уже особый круг. Впереди может быть Академия наук, почему бы и нет? Сидоренко, будучи директором

института, стал академиком, ведь не умней тебя и не семи пядей во лбу. Вспомни, кто ему писал научные доклады и статьи?

– Тут нечего и думать, – подключилась к обсуждению дочка, – папа, тебе предлагают новую высокую должность и перспективу роста, а ты еще ломаешься. Завтра же звони и давай свое согласие.

Дочери шел двадцатый год, и она училась в мединституте. Сейчас у нее был роман с ее другом детства, который жил в соседнем доме. Парень был высок и крепок, старше Ирины на год и учился в институте гражданской авиации. Как говорила дочь, у них серьезные отношения. Ну, а если так, то нужно подумать о жилье для молодых. В этой ситуации перспектива занять высокую должность никак не оказалась бы лишней. И это обстоятельство тоже было учтено. Одним словом, Иван постепенно созревал до принятия положительного решения.

На следующий день после семейного совета, придя к себе в лабораторию, и сев за свой стол, Иван вдруг почувствовал, что все вокруг изменилось: лежащие перед ним бумаги показались ему чужими и неинтересными. Вот незаконченная статья, а это протокол последней серии исследований, а это заявка на новую тему на 88-й год. Все это стало чужим и даже неприятным. Он представил себе, что вновь ему придется доказывать свою правоту и выслушивать демагогические суждения директора о его новой идее, сопровождаемые ехидной ухмылкой бывшего дружка Николая. Иван вспомнил, как это было тогда, еще до его отъезда в Кабул. Он представил проект своей новой темы, посвященной использованию профилактических средств, витаминов и микроэлементов, людьми, проживающими в условиях антропогенных химических нагрузок. Эффективность таких мер была доказана им в его докторской диссертации. Но в тот раз директор неожиданно негативно отнесся к такому предложению. Буквально, он заявил, что «это не наш путь, когда Советский человек, перед тем как идти на работу, должен принять какие-то таблетки, чтобы защитить себя от загрязненной атмосферы. Мы должны бороться за чистоту окружающей среды, а не подменять это какими-то профилактическими средствами». Иван тогда спросил директора: «А как быть, если все же уровни загрязнения представляют опасность для здоровья и нет тенденции к их снижению?» На это директор ответил, что доктор Белецкий не понимает политической ситуации. И это при том, что Иван был членом партбюро института и заместителем секретаря по идеологической работе. Но, спорить с директором, как известно, это все равно, что плевать против ветра. Дискуссия закончилась тем, что совсем скоро Иван улетел в Кабул на три года. А сейчас, по всей видимости, он просто уйдет из этого института. Как ему здесь работать, если его не понимают или не хотят понимать.

Иван решительно отодвинул все эти бумаги, и вышел из кабинета. Зашел в соседнюю комнату, где располагалась собственно лаборатория с различными приборами и оборудованием, прошелся вдоль длинных лабораторных столов, поздоровался с сотрудниками и лаборантами, сидящими на высоких табуретах. Он вновь ощутил отрешенность от всего этого, что еще пару дней назад было для него частью его самого, созданного им, придуманного им и за что ему приходилось так упорно бороться.

Иван хотел и не мог найти товарища, с которым можно было бы сейчас откровенно поговорить о своей проблеме, посоветоваться, услышать мнение непредвзятого человека. Все те, с кем он обычно общался, оставались сотрудниками этого института, и услышать от них адекватное мнение о своем уходе, было нереальным. Сотрудники лаборатории тоже были не заинтересованы в том, чтобы он их покидал. И потому он решил молчать: пусть его намерение для всех остается тайной, до поры, до времени. В конечном итоге, решение еще не принято и всякое может случиться. Еще могут быть неприятные выпады со стороны директора, он может выступать против его перехода в другой институт и еще не известно, чем все это закончится. Ведь высказывался он категорически против его командировки

в Афганистан, и только давление со стороны влиятельных людей из заинтересованных органов сломило его сопротивление. То же самое может случиться и сейчас.

Обедали вместе со своим бывшим сотрудником и старым приятелем Борисом. Он одновременно замещал Ивана на посту руководителя лаборатории, пока тот был в Кабуле, а сейчас по рекомендации Ивана его назначили ученым секретарем института. Это прибавило важности всей его крепкой коренастой фигуре, спокойному лицу, украшенному аккуратной круглой бородкой с проседью. Его отмечали неторопливые движения и философический взгляд на окружающие явления. Пока стояли в очереди в столовой, Борис приглядывался к нему, а когда получили свои блюда и с подносами в руках подошли к свободному столику, спросил Ивана:

– Что-то ты мне сегодня не нравишься. Что-нибудь случилось? Дома все в порядке?

– Спасибо. А у тебя как?

– А что у меня? Все хорошо, на своих местах: Галка работает на прежнем месте ну и я, как видишь, тоже тужусь не спеша.

– А у тебя Боря никогда не возникало желание перейти на другую работу, ну, скажем, в другой институт?

– Ты хочешь сделать мне предложение? Какое?

– Нет, я для себя хочу понять, вот если бы появилась такая возможность, то имел бы смысл плюнуть на все и уйти?

– Ты ведь уже один раз так и сделал, и что получил взамен? Деньги скоро разойдутся, а вот прежнее крепкое положение утратил. Сейчас в твой адрес редко услышишь доброе слово от директора. Это я тебе говорю, я в дирекции часто вращаюсь.

– Тем более. Как ты думаешь, в моем нынешнем положении есть смысл искать новое место?

– Ну, это зависит от того, какое место, – прихлебывая компот из сухофруктов, философски заметил Борис, – если, скажем, завлабом, то менять шило на мыло не имеет смысла. А если на более высокий пост, то стоит еще подумать. А что, есть такое место?

– Пока нет, – ответил Иван, стараясь не выдать свой секрет, – я вообще тебя спросил. Мне ведь важно услышать твое мнение.

На том обед закончился, и приятели – сослуживцы вышли из столовой. Иван был уверен, что Борис пропустил весь их разговор мимо ушей и скоро совсем забудет о нем. Лишь, когда произойдет это событие, Борис вспомнит их совместный обед и скажет: «А я тогда подумал, почему он заговорил о перемене места работы? Скрыл, не сказал, не доверился другу». И потом выскажет все это Ивану.

В понедельник в одиннадцать часов Иван ждал Петра Петровича у дверей Минздрава. Директор немного задерживался. Они договорились о встрече еще в пятницу. Иван был решительным человеком и не стал откладывать свой звонок до понедельника. Услышав в телефонной трубке голос Ивана, Петр Петрович с энтузиазмом приветствовал его и сказал, что немедленно договорится в Минздраве о представлении своего нового заместителя. Сейчас, ожидая Петра Петровича, Ивану было просто интересно увидеть, как все это произойдет.

Но вот и он. Иван видел как тот, не спеша и с трудом выползал из служебной «Волги» черного цвета, подъехавшей на стоянку министерства. Поздоровавшись, объяснил свое опоздание пробками на дорогах столицы, и протиснулся в открытую перед ним Иваном дверь Минздрава.

– Давай сначала зайдет к Михаилу Ивановичу. Я хочу первым делом представить тебя ему. Он наш непосредственный начальник. Ты с ним знаком?

– Нет, я знаю его, но не уверен, что он знает меня. Я вообще в Минздраве не часто бывал, ведь мой институт, простите, мой бывший институт принадлежал Академии медицинских наук и там я бывал часто.

– Ну, хорошо. Теперь будешь здесь часто бывать.

Зашли в приемную и Петр Петрович по свойски, как со старой знакомой, а может быть так оно и было, поздоровался с секретарем.

– У себя? – кивнул он на дверь, – один? Я с ним договаривался еще в пятницу.

– Да один, проходите.

Предварительно постучав в дверь, Петр Петрович вошел в кабинет. За ним проследовал доктор Белецкий.

– Вот, Михаил Иванович, моя кандидатура. Знакомьтесь, доктор наук Белецкий Иван Павлович.

– Мы знакомы, Петр Петрович. Я знаю Белецкого уже несколько лет, – Михаил Иванович встал из-за стола и протянул руку Петру Петровичу, затем Ивану. Предложил сесть.

– Я поддерживаю вашу кандидатуру. Думаю, доктор Белецкий справится с этой работой, хотя его прежний профиль все-таки гигиена и токсикология. Ведь так, Иван Павлович?

– Да, это так. Но я рассчитываю на помощь специалистов института по вопросам дезинфекции, особенно первое время. А, кроме того, в работе института много вопросов, относящихся к гигиене, особенно, токсикологии.

– Михаил Иванович, – перебил Ивана Петр Петрович, – мы все эти нюансы уже обговаривали с Иваном Павловичем. Главное сейчас укрепить институт надежными людьми в противовес тем крикунам, которые на волне демократии рвутся к власти, чтобы извлекать для себя выгоду. Я докладывал вам об этом.

– Да, это верно. Сейчас можно допустить к власти таких горлопанов, а потом от них не избавишься. Вот вы, Иван Павлович, в первую очередь и займитесь этим вопросом. Помогите Петру Петровичу навести порядок в институте. Я знаю, у вас большой организаторский опыт.

– Я подумаю, как это сделать.

– Есть еще одна сложность. Это – Сидоренко, ваш настоящий директор. Он упрям как баран. Может выразить несогласие, устроить скандал, обратиться к вышестоящему руководству. Ведь он академик и наш министр – академик. Они там часто общаются. Попробуйте сами договориться с ним, по-мирному.

– Я постараюсь, Михаил Иванович, – кивнул головой Иван. Он, несмотря на все свои успехи и регалии, все еще испытывал некоторую робость перед чиновничьей братией, особенно, если это было твое прямое начальство.

Следующим по иерархической лестнице был Владимир Иванович Чебышев. Он руководил всей гигиеной в стране, в том числе и гигиеническими институтами. Тогда его должность называлась начальник департамента санэпиднадзора. Здесь Петр Петрович не был так уверен в себе. Все-таки начальник департамента – это высокий пост, второй по величине после заместителя министра. Поздоровавшись с секретарем, назвал себя и Ивана, кивнув в его сторону, попросил доложить Владимиру Ивановичу о своем визите. Секретарша тут же нажала кнопку селектора. Владимир Иванович предложил подождать пару минут. Ожидющие послушно присели на стулья у двери кабинета высокого начальства.

– Я созванивался с ним еще сегодня утром, и он обещал принять нас. Так что подождем немного. Ты вот что, Иван Павлович, когда будешь писать заявление, укажи, что «в порядке служебного перевода». Так будет без всяких потерь: сегодня уволился, а завтра уже приказ о твоём назначении.

– Да, я сделаю так, Петр Петрович.

У секретаря на столе раздался звонок, после чего она предложила ожидающим пройти в кабинет. Владимир Иванович встретил Петра Петровича с улыбкой, пожал ему руку, а Ивану сказал: «привет», хлопнув слегка его по плечу.

– Петр Петрович, мне не надо представлять доктора Белецкого, мы с ним не раз встречались по научному совету, да и по системе «экология – здоровье». Так что мы хорошо знаем друг друга, и я уверен, что вы сработаетесь. Когда думаешь переходить?

– Надо закончить кое-что по лаборатории. Думаю, через неделю.

– Вот и хорошо. Помоги там Петру Петровичу разобраться с некоторыми его кадрами. Уж очень они ретивы, хотят пробиться к власти в институте. Но только будь осмотрительным. Все должно быть в рамках правил, а то, не дай Бог, пойдут жалобы, письма. На это все могут быть неадекватные реакции со стороны властей. Ну, не мне тебя учить. Помнится, ты участвовал в работе нескольких комиссий по проверкам институтов, так что знаешь, что и как надо делать.

Удовлетворенные посетители попрощались с высоким начальством, и Петр Петрович предложил Ивану съездить к нему в институт.

– Тебя не кинется Сидоренко? Поедим сейчас ко мне. Познакомлю тебя с Верой Павловной. Ты видел ее прошлый раз. Она ученый секретарь, а сейчас временно исполняет обязанности заместителя директора. Поговоришь с ней. Думаю, будет полезно.

Иван согласился. Возвращаться сейчас к себе ему совсем не хотелось. Приехали в институт и прошли в кабинет директора. Иван поздоровался с секретаршей.

– Ты не знаком с Лидией Ивановной? Вот, прошу любить и жаловать, мой секретарь. Заботливая женщина. Слушай, Лида, приготовь нам чайку.

Лидия Ивановна несколько смутилась от представления ее новому заму, но тут же засуетилась в отношении чая. В ее прихожей была уютная коморка, где обычно и готовили чай. После чая, крепкого и ароматного с «юбилейным» печеньем, пригласили Веру Павловну. Лидия Ивановна убрала со стола чашки и блюдца. Вера Павловна вошла в кабинет и подошла к столу директора.

– Вызывали, Петр Петрович?

– Присаживайся, Вера Павловна. Вот, познакомься. Белецкий Иван Павлович, доктор медицинских наук. Мой новый заместитель. Так что через недельку ты освободишься от этой обузы. Представляешь, – Петр Петрович обратился к Ивану, – она мне всю шею перепилила, когда, мол, будет постоянный зам. Вера Павловна, у меня к тебе просьба: возьми сейчас Ивана Павловича, покажи ему его будущий кабинет, расскажи про институт, чтобы он немного вошел в курс дела. Лишней информацией пока не нагружай, потом сам разберется. Так, обрисуй все в общих чертах. Между прочим, вопрос о его назначении уже решен в Минздраве, – Петр Петрович самодовольно улыбнулся и мечтательно взглянул на потолок, – мы сейчас из Минздрава, беседовали с руководством и получили указание разобраться с кадровыми проблемами. Ну, ты понимаешь, о ком я говорю. А сейчас, извините, я займусь почтой. Вон, какая кипа бумаг, – и Петр Петрович положил свою широкую ладонь на папку с бумагами.

Прощались и вышли из кабинета. В приемной Вера Павловна обратилась к Лиде:

– Лидия Ивановна, мы с Иваном Павловичем поработаем у меня. Так что часа полтора никого ко мне не приглашай.

«Так вот какой будет у меня новый кабинет. Кабинет заместителя директора института» – промелькнуло в голове Ивана, когда он вслед за Верой Павловной вошел в просторную комнату. Слева стоял стол хозяина кабинета с двумя стульями, приставленными по бокам. Справа – длинный стол во всю стену, вероятно, для проведения совещаний. У окна примостился книжный шкаф с несколькими книгами, но зато с вазочками для цветов и небольшими статуэтками. Цветов, правда, не было. По каким-то признакам чувствовалось,

что хозяином этого кабинета была женщина. Не Вера Павловна, а та, что была до нее. Сели напротив друг друга, так что свет от окна не падал на лицо Веры Павловны, зато лицо доктора Белецкого было хорошо освещено. Это обстоятельство непроизвольно вызвало улыбку на устах Ивана.

– Это ваш кабинет, Иван Павлович. Я здесь ничего не меняла, все осталось, как было при Татьяне Сергеевне. Она была хорошим замом и добрым отзывчивым человеком. Вот на нее и напустилась эта «банда». Но об этом потом. Петр Петрович не велел сейчас рассказывать об этом. Наверно, боится, что вы передумаете.

– А что, очень страшно? – с улыбкой спросил Иван.

– Мне кажется, что Татьяна Сергеевна и ушла на пенсию из-за них, не хотела портить себе здоровье.

– Вы меня заинтриговали. Я уже не первый раз слышу об этом. И сегодня, в Минздраве тоже мне говорили, что ситуация здесь серьезная. Так, может быть, все же расскажите?

– Сначала я расскажу вам немного об институте, так будет легче разобраться и в этих проблемах. Не возражаете?

Иван не возражал и приготовился слушать. Напротив него сидела довольно симпатичная женщина с густыми волосами черного цвета, овальным лицом, темными глазами, чуть подкрашенными ресницами и небольшим носиком. Женщина явно волновалась. Перед ней стояла непростая задача: в общих чертах рассказать о структуре института, его научных подразделениях, их назначениях и научных задачах, попутно назвать руководителей этих подразделений и дать им краткую характеристику. Все это было непросто. И хотя Вера Павловна владела этим материалом, но перед ней сидел молодой мужчина с мягкой и милой улыбкой на красивом лице, в элегантном заграничном костюме стального цвета, удачно сочетающимся с его серо-голубыми глазами. Это усиливало ее волнение. Она уже успела узнать кое-что о нем от Зинаиды, и это еще в большей степени придавало ей робости и нерешительности.

Начав свой рассказ, она предложила Ивану обратиться к плакату, висевшему над длинным столом. На нем была изображена схема структуры института. Иван повернул голову, но на таком расстоянии, да еще и недостаточном освещении, разобрать что-либо было невозможно. Вера Павловна предложила подойти поближе к плакату и включила в кабинете свет. Вот, теперь совсем другое дело. Они оказались рядом друг с другом. Иван уловил тонкий аромат незнакомых духов, исходящий от волос Веры Павловны. Она была совсем близко от него, а когда повернулась от плаката в сторону Ивана, увидела его лицо, его глаза, смотрящие на нее, тонкие губы и округлый подбородок. Она замолчала и продолжала смотреть на него. Потом слегка пошатнулась и рукой ухватила за спинку стула, стоящего рядом с ней. Опустила голову и отошла чуть назад.

– Что-нибудь случилось, Вера Павловна, – Иван придержал ее руку и на всякий случай сделал шаг вперед.

– Нет, ничего. Просто мы оказались близко друг к другу, и я немного пошатнулась. Теперь все в порядке, – проговорила Вера Павловна и продолжила свой рассказ о структуре института.

– А вот и тот самый злополучный отдел дератизации, от которого идет вся эта смута. Задача отдела – разработка средств борьбы с грызунами, распространителями разных инфекционных заболеваний. Разработка и испытание новых ратцидов. Оценка их эффективности. А также разработка методов наиболее эффективной борьбы с грызунами, учитывая место обитания и поведенческие особенности зверьков.

– Ну, это понятно. Так оно и должно быть. И что же здесь не так?

– По идее, отдел должен все это делать применительно к городской среде. Грызуны в городе – это важная проблема и ее надо решать безотлагательно. Они же занимаются борь-

бой с грызунами в сельской местности, где распространены всякие мыши полевки, уничтожающие урожай. Это важно для сельского хозяйства и производителей зерна. Но для этого есть специальная служба в Минсельхозе. А для Минздрава важна борьба с грызунами с точки зрения эпидемической опасности.

– Так почему же они не занимаются этим?

– Есть две причины. Первая – они не медики, а биологи и эпидемическая опасность ими не воспринимается так остро, как должно быть. Вторая причина – они работают в тех местах, где им платят за это. Например, в Туркмении. Они заключают договора за оплату, в институте получают экспедиционные средства, необходимое имущество, оборудование и уезжают на все лето. Петр Петрович не раз выступал на ученом совете, убеждая их сменить направление исследований. Бесполезно. А теперь один сотрудник из отдела дератизации, главный зачинщик всего, претендует на место замдиректора в расчете на то, что скоро Петр Петрович уйдет на пенсию и он займет место директора. Вот в чем все дело. Как видите, им есть за что бороться.

Рассказ Веры Павловны прервал Петр Петрович, войдя в кабинет без стука.

– Слышу, здесь произносят мое имя.

– Я, Петр Петрович, вкратце изложила суть претензий отдела дератизации.

– Не удержалась-таки. Ведь я просил не рассказывать раньше времени.

– Не беспокойтесь, Петр Петрович. Это никак не повлияет на наше решение, – успокоил его доктор Белецкий.

– Слушай, я сейчас уеду, а ты мне позвони, когда напишешь заявление об уходе. Не затягивай особо. Сам понимаешь, какая ситуация.

Петр Петрович вышел из кабинета, и Иван вновь остался наедине с Верой Павловной. Прерванный рассказ не возобновлялся. Иван тоже молчал и смотрел на Веру Павловну, как бы пытаясь получше разглядеть ее. Потом спохватился и извинился за неловкость.

– Я хочу поблагодарить вас, Вера Павловна за обстоятельный рассказ. Для первого раза я думаю вполне достаточно. Знаете, было бы совсем недурно, если бы к моему приходу вы подготовили перечень структурных подразделений института с фамилиями их руководителей и внутренними телефонами. Так мне легче будет налаживать контакт с людьми. А я пока постараюсь переварить полученную от вас информацию.

– Когда вас ждать?

– Скорее всего, через неделю, если мой директор не придумает какую-нибудь пакость. Иван пожал на прощанье руку Веры Павловны, задержав ее чуть-чуть в своей ладони.

– Мне приятно было с вами познакомиться, Вера Павловна.

– Мне тоже, – ответила Вера Павловна, засмущавшись и опустив глазки.

Когда Иван вышел из здания института, он остановился, обернулся на дверь, посмотрел на верхние этажи и подумал: «Зачем я это делаю? Это чужое для меня здание, чужие люди, чужие проблемы». Но пока шел к станции метро смятение чувств, посетившее его, растворилось и на смену пришло ощущение удовлетворенности от происходящего. Новая должность и хорошая перспектива. Это лучше, чем сидеть в своем старом болоте. Ведь там теперь ничего не высидишь. Это он твердо знал.

На следующий день Иван написал заявление об уходе и неожиданно для него директор в тот же день подписал его. Последним днем его работы в институте гигиены была среда, 15 июля, а уже на следующее утро он держал путь в новый институт.

Глава 2. Знакомство

Пока Иван поднимался по узкой лестнице к своему новому кабинету, ему встречались незнакомые для него лица. Они здоровались с ним, он сдержанно кивал головой в ответ. Дверь его кабинета оказалась закрытой. Иван прошел в приемную. Там его встретила Лидия Ивановна и поздравила его с началом работы в новой должности. Петр Петрович еще не приехал, но ключ от кабинета Ивана оказался на столе секретарши.

– Разрешите, я провожу вас, – предложила Лидия Ивановна, взяв ключ и пропуская Ивана вперед. – Входите, пожалуйста, располагайтесь. Если возникнут какие вопросы, обращайтесь ко мне. Рада буду помочь.

– Спасибо, Лидия Ивановна.

Иван остался один. Прошел по кабинету до окна, поднял жалюзи. В кабинете стало светлее. Подошел к столу и опустился в кресло. На столе ровной стопкой лежали бумаги. На противоположной стене висел все тот же плакат со структурой института. Иван вспомнил о том задании, что он поручил Вере Павловне и вновь посмотрел на стопку бумаг. «Наверно, это ее творение, – подумал он и притянул к себе бумаги. – Да, так и есть. Ну что ж, молодец. Сейчас посмотрим». Иван стал перебирать листы, на которых были написаны названия отделов и лабораторий с фамилиями и именами руководителей. А рядом рабочие телефоны. Здесь же был и телефон директора как прямой, так и секретаря. Ниже телефон ученого секретаря Быловой Веры Павловны. Иван подчеркнул ее фамилию фломастером, потом взял лист чистой бумаги и стал составлять список руководителей, с которыми на его взгляд нужно было познакомиться и поговорить в первую очередь. Да, но прежде всего, должен быть приказ о его зачислении. Где он? Значит, нужен начальник отдела кадров. Не проще ли пригласить Веру Павловну и попросить помочь ему? Не надо забывать, Иван, ты теперь заместитель директора и совсем не обязательно все делать самому. Он взял телефонную трубку и набрал нужный номер. Очень скоро в трубке послышался ровный женский голос.

– Вера Павловна? Доброе утро. Это Белецкий Иван Павлович.

– Здравствуйте, Иван Павлович. Я узнала вас. Слушаю.

– Вера Павловна, вы сейчас свободны? Не могли бы зайти ко мне. – Вот так будет лучше, подумал Иван, и в этот момент услышал стук в дверь. В кабинет вошла знакомая женщина в белой блузе и черной узкой юбке, с уложенными волосами и слегка подведенными глазами. Губы были накрашены бледно-розовой помадой. В левой руке она держала тетрадь для записи поручений. Такой, вероятно, и должна приходиться ученый секретарь к заместителю директора. Теперь он является для нее непосредственным начальником. И это значит, что дальнейшая ее работа на этом месте во многом будет зависеть от того, понравится ли она ему, в том числе и как женщина.

А ведь совсем недавно, еще до прихода в институт доктора Белецкого, Вера Павловна позволяла себе дерзкие мысли о том, почему бы ей самой не стать заместителем директора. Кандидат медицинских наук, ну и что из этого? Ведь Татьяна Сергеевна тоже была кандидатом наук. Да и кто сказал, что заместитель директора обязательно должен быть доктором наук. Она уже больше года работает в должности ученого секретаря, со своими обязанностями справляется успешно, хорошо знает все подразделения института и их научную тематику. Ну, почему бы, в самом деле, не ей стать заместителем директора? Она всякий раз откладывала свой разговор с Петром Петровичем на эту тему. Не решалась. Боялась отказа. А теперь уже поздно. Пришел новый зам и надо налаживать с ним рабочие отношения. Она не могла скрыть от самой себя досаду за то, что она потеряла такую возможность.

– Вера Павловна, проходите, прошу вас садиться. У меня к вам ряд вопросов.

Но не успел Иван начать беседу с ученым секретарем, как дверь распахнулась, и в кабинет порывисто вошел директор. Он поздоровался отдельно с каждым за руку и опустился на стул.

– Что обсуждаете? – поинтересовался Петр Петрович.

– Пока не успели что-нибудь обсудить, Петр Петрович. А вообще мне для начала хотелось бы посмотреть план работы ученого совета на второе полугодие и узнать, когда был последний пересмотр штатного расписания института и был ли он вообще. Это как раз связано с тем вопросом, который сейчас самый острый.

– Тебя, Иван Павлович, интересует штатное расписание или структура института?

– Да, скорее структура. Вот так, как она выглядит сейчас, это вполне удовлетворительно, но слишком обще. Например, отдел дезинсекции или дератизации. Это скорее название научных дисциплин, а не функциональных отделов. Под такими названиями можно заниматься, чем хочешь, и все будет оправдано. Мне думается, следовало бы немного изменить названия, уточнить, так сказать, целевое направление непосредственных работ отделов.

– Я, кажется, начинаю тебя понимать. Изменить названия отделов и под это объявить конкурс. Так, Иван Павлович?

– Ну, почти так. Но это всего лишь задумка. Здесь пока нет готовых решений. Вот я и хотел для начала подключить к этой работе Веру Павловну, ну а потом, пожалуй, руководителя научно-организационного отдела, как его?

– Туров Вадим Алексеевич, – прервала затянувшееся свое молчание Вера Павловна, – кандидат биологических наук. Он, кстати, ранее занимал пост руководителя отдела дератизации, пока не пришла Шилова, нынешний руководитель отдела.

– А почему он оставил свой пост и перешел в научно-организационный отдел?

– Это отдельная история, Иван Павлович, – вмешался директор, – ты, конечно, сразу все не охватишь. Но направление в целом правильное. Правда, нужно проявить осторожность и не говорить никому о своих планах раньше времени. Это может вызвать шум и беспокойство среди научных сотрудников. Ведь пересмотр структуры и штатного расписания с последующим конкурсом может многим испортить жизнь. А на счет Турова, я не знаю. Не уверен, что сейчас стоит раскрывать перед ним карты. Поговорить, конечно, можно, даже нужно. Он ведь руководитель научно-организационного отдела и задуманное впрямую может касаться его. Но лучше, я думаю, если вы вдвоем с Верой Павловной будете говорить с ним. И так, как бы, между прочим, в порядке совершенствования работы института, спросить, какие у него могут быть предложения. Он вообще-то мужик толковый, но очень осторожный, даже трусливый. Ведь так, Вера Павловна? – обратился директор к ученому секретарю. Но та промолчала, только пожала плечами.

– Ну ладно, я вас оставляю. Продолжайте работать. Кстати, Иван Павлович, я сейчас пришлю к тебе начальника отдела кадров. Надо готовить приказ о твоём зачислении на должность. Когда тебе удобнее принять ее?

Иван вопросительно взглянул на Веру Павловну.

– Наверно через часик, так, Вера Павловна?

Петр Петрович вышел из кабинета. Оставшись вдвоем, они помолчали с минуту. Потом Вера Павловна, преодолев возникшую вдруг нерешительность, спросила:

– Я не совсем поняла суть предстоящих изменений. Изменение структуры, штатного расписания. Какая в этом необходимость?

– Не все сразу, Вера Павловна, – с улыбкой ответил Иван, – давайте постепенно, шаг за шагом, идти к цели, то есть сделать так, чтобы никто не мешал нам спокойно работать. Наверно, реорганизация коснётся не всех отделов, а только тех, которые «мутят воду».

– Значит, отдела дератизации.

– Да, но не только его одного. Это будет уж слишком явно. Надо предложить изменить название и направление исследований, например отделу дезинсекции. Может быть, еще какому-то подразделению. Но это будет всего лишь формальность. Словом, тут есть еще над чем подумать. А сейчас давайте продумаем нашу беседу с Туровым. Я с ним еще не знаком, а вы его знаете достаточно хорошо, и беседовать мы будет вдвоем.

Представлялся вполне вероятным следующий ход событий. Первое, это изменение структуры и названия ряда подразделений, рассмотрение этих предложений и утверждение их на ученом совете. Второе – все прежние должности считаются вакантными и для их занятия необходимо участие в конкурсе. Третье – объявление конкурса на вакантные должности и сам конкурс. Здесь важно сделать так, чтобы прошел нужный для дирекции человек, а не какой-то случайный претендент. По мере обсуждения все эти вопросы становились все понятней для Веры Павловны, и она не могла не согласиться с тем, что предложенный доктором Белецким план работы мог быть вполне успешным. Оставалось одно – выполнить его.

Их беседу прервал стук в дверь, и на пороге появилась женщина неопределенного возраста с тусклой внешностью. Это была начальник отдела кадров. Она принесла кипу бумаг, которые нужно было заполнить. Вера Павловна на время оставила Ивана. Придя к себе в кабинет, она заварила чай и решила передохнуть, а заодно и продумать кое какие детали предстоящих действий. «Да, – подумала про себя Вера Павловна, – не простой этот Белецкий. Придумал довольно ловкий план и ни к чему не придерешься. Нужно только, чтобы большинство членов ученого совета поддержали его. Но как это сделать. Голосование тайное. Вот не станут они голосовать за изменение структуры, что тогда? Значит, здесь нужен индивидуальный подход к каждому из членов ученого совета. Белецкий человек новый, значит, мне придется проделать большую часть работы. Нужно и Петра Петровича привлечь к беседам».

Раздался телефонный звонок. Это опять был Белецкий. Он попросил Веру Павловну достать для него годовые отчеты по каждому отделу и отдельно научные отчеты по последним темам отделов дератизации и дезинсекции. Вера Павловна на минуту задумалась, а потом решила, что такие отчеты, скорее всего, могут быть в научно-организационном отделе. Но как взять их у Турова? Как спросить об этих отчетах и не навлечь подозрения Турова: «Зачем это вдруг понадобились эти отчеты Вере Павловне? Наверняка сразу станет ясно, что такие отчеты понадобились не ей, а новому заму». С этими сомнениями она постучалась в кабинет Белецкого. На приглашение войти, она открыла дверь и увидела там Зинаиду Веркову, беседующую с Иваном Павловичем.

– Я не помешаю? – смутилась Вера Павловна.

– Нет, заходите. Мы обсуждаем, где бы можно было нам пообедать. Не хотите присоединиться к нам?

– Что ж, с удовольствием. Куда пойдем, Зина?

Вера Павловна была довольна, что хотя бы на время Белецкий забыл о своей просьбе на счет отчетов. Может быть, забудет совсем?

Обедали в шумном и многолюдном кафе, расположенном на втором этаже здания неподалеку от института. Иван во время обеда расспрашивал Зинаиду о международном сотрудничестве, которое велось в институте: с какими странами, по какой линии, как часто сотрудники выезжают в заграничные командировки. Зинаида охотно рассказывала о делах международного отдела. Вера Павловна сохраняла молчание. По всему было видно, что она как, сотрудник института, не принимала участие в международном сотрудничестве и за границу не выезжала. В действительности, Веру Павловну не покидала мысль о том, как заполучить эти злополучные отчеты. Она решила обратиться за помощью к Петру Петровичу.

– Не надо так сразу в лоб, – рассудил мудрый Петр Петрович, – давайте сделаем так. Я сейчас приглашу к себе Турова. Познакомлю вас и заодно попрошу его дать вам все необхо-

димые материалы для ознакомления с работой института. Это вполне естественно и не вызовет никаких подозрений. Давай для начала возьмем отчеты токсикологической лаборатории, отделов дезинфекции и стерилизации. А потом, через недельку, ты перейдешь на другие отделы и уже сам договоришься с ним об этих отчетах. Как на твой взгляд?

– Да, так будет лучше, – согласился Иван.

– Я всегда знала, Петр Петрович, что вы мудрый человек, – с облегчением произнесла Вера Павловна.

Через несколько минут в кабинет вошел мужчина в сером костюме, слегка сутуловатый с небольшой бородкой на интеллигентном лице. Во всей его фигуре просматривалась нерешительность. Он чуть приостановился у двери, спросил:

– Вызывали, Петр Петрович?

– Да, Вадим Алексеевич, проходи сюда. Познакомься. Это мой новый зам, доктор медицинских наук Белецкий Иван Павлович.

Иван встал и протянул руку.

– Рад познакомиться, Вадим Алексеевич, тем более что я сам несколько лет руководил научно-организационным отделом в своем бывшем институте. Поэтому, для меня многое интересно в вашей работе.

Туров опустил на стул и со смущенным видом, посмотрев на всех присутствующих, произнес:

– Я, право, несколько оробел, когда вошел в кабинет: сразу все институтское начальство.

– Ничего особенного, Вадим Алексеевич. Пришел к нам на работу новый человек и ему надо постепенно ознакомиться с работой института и его подразделений. Можно было бы пойти по отделам, но это потом, не сейчас. Многие руководители нынче в отпусках. Лучше это сделать в сентябре, после первого заседания ученого совета, когда я смогу представить нашего коллегу руководителям лабораторий и членам ученого совета. А сейчас покажи ему отчетные материалы по институту в целом и по каждому отделу. Давай начнем с токсикологии, что ли. Иван Павлович по специальности токсиколог и ему это будет интересно для начала. Потом можно дать материалы отделов дезинфекции и стерилизации, ну а напоследок дезинсекции и дератизации.

– А как с химическими лабораториями?

– Покажи тоже. Только ведь у них мало самостоятельной тематики, все больше прикладные темы и их участие отражено в отчетах других отделов. Ну, в общем, разберешься. А сейчас бери Иван Павловича и покажи ему свой отдел.

Когда Петр Петрович остался наедине с Верой Павловной, спросил ее:

– Ну как тебе новый зам?

– Симпатичный мужчина.

– Да я не об этом. Как он, с интересом к делу или просто так?

– Жду, когда закончится этот первый день его работы. Задержал меня.

– Ничего. Это по началу. Сработаетесь.

В кабинете Вадима Алексеевича стояли вдоль стены многоэтажные стеллажи, наполненные папками с бумагами, на корешках которых были приклеены ярлычки с указанием года отчета.

– Вот здесь, Иван Павлович, все наше хозяйство. Выбирайте, что вам по душе. – Вадим Алексеевич подвел Ивана к стеллажам и, проводя плавно рукой по разноцветным корочкам, стал рассказывать, где расположены папки того или иного отдела. – А в этой стопке отчеты института, которые мы ежегодно сдаем в Минздрав. Советую, для начала возьмите вот эти три отчета. Они за последние три года. А вот последние отчеты лаборатории токсикологии, гигиены и дезинфекции. Думаю, вам этого вполне хватит до конца недели.

Вадим Алексеевич понравился Ивану своей интеллигентной внешностью, тихим голосом с нотками легкой иронии. Он поблагодарил его и отправился к себе в кабинет, неся перед собой увесистую стопку бумаг. Так прошел первый рабочий день нового заместителя директора доктора Белецкого.

Глава 3. Рабочие будни

День за днем Иван корпел над отчетами института и его подразделений. Это была довольно скучная работа, так как никаких новых открытий, которые могли бы вызвать интерес, в них не содержалось. В большинстве случаев это было простое перечисление проделанной работы, и редко описывались результаты исследований. Ивану уже стало казаться, что он делает напрасную работу, стараясь понять характер исследований отдельных лабораторий. Если так, то стоит об этом говорить в открытую. Иван стал выписывать отдельные фрагменты из прочитанных отчетов, как если бы он был рецензентом по каждому из них. «Что ж, – думал он, работая карандашом по бумаге, – придет время и сможем обсудить мои замечания на ученом совете или хотя бы в частной беседе с авторами этих отчетов». Сейчас он вспомнил свою работу над отчетами по НИР других институтов, к инспекции которых его привлекал Минздрав. Тогда сделанные им критические замечания имели довольно острый характер, и нередко приводили к принятию неблагоприятных для руководства институтов решений. «Да, не поздоровилось бы Петру Петровичу, если бы эти отчеты попали на проверку комиссии Минздрава. Наверно, стоит сказать ему об этом». Иван понимал, что этим он мог бы обидеть заслуженного человека, профессора, директора института, чего он совсем не хотел. Иван решил, что сейчас это не к спеху, но к концу года следует завести об этом разговор, хотя бы в деликатных тонах. Кто читает эти отчеты в институте, кто должен их читать? Наверное, прежде всего, заместитель директора по научной работе. Это его прямая обязанность.

Но сейчас интересы Ивана сводились к другому: ему нужно было понять, чем занимается в действительности отдел дератизации и найти достаточно ошибок и несоответствий в его работе. Он еще не видел руководителя отдела Шилову и того научного сотрудника, кто претендовал на должность заместителя директора, не был с ними знаком, но уже испытывал к ним определенную неприязнь.

Ближе к концу недели Петр Петрович пригласил к себе Ивана. Рядом с ним сидела светловолосая и светлоглазая с круглым полным лицом женщина.

– Знакомься. Это Людмила Порфирьевна, секретарь нашей партийной организации.

Иван кивнул головой в знак приветствия и сел рядом. На столе перед Петром Петровичем лежал лист бумаги, исписанный на машинке. Внизу напечатанного текста стояли две подписи. Петр Петрович протянул Ивану листок.

– Полюбопытствуй, – предложил он и стал ждать, когда Иван просмотрит предложенное ему письмо. Через минуту спросил:

– Ну, что ты скажешь по этому поводу?

– Надо внимательно вчитаться в текст, чтобы понять, что в нем правда, а что намеренная ложь. На первый взгляд, это типичный донос в партийную организацию, в надежде получить поддержку своих интересов, завести дело и может быть получить от всего этого определенную выгоду. Я так понимаю, что вторая подпись принадлежит тому сотруднику, который претендует на мою должность, ведь так?

– Да, Иван Павлович, именно так. Это письмо поступило в райком партии, а там инструктор передал его нашему секретарю, Людмиле Порфирьевне, чтобы разобраться в этом деле.

– Ну и как, Людмила Порфирьевна, разобрались?

Та в ответ вспыхнула всем лицом, надула губки и ее светлые глаза наполнились влагой.

– Легко вам говорить, Иван Павлович, а с меня спрос и довольно строгий.

– Слушай Людмила, ты пока не кипятись. Какой может быть спрос с тебя, как секретаря парторганизации? Разве ты принимаешь административные решения? – Петр Пет-

рович медленно поднялся, вышел из-за стола и подошел к стулу, на котором сидела секретарь парторганизации, положил руку ей на плечо. – Я думаю, они сами не знают, как нужно реагировать на это письмо. Вот и давят на тебя. А что ты можешь сделать? Уволить Иван Павловича или меня? Чепуха. Прошли уже те времена, когда парторганизация решала административные вопросы. Назначение Ивана Павловича было согласовано с руководством Минздрава на самых высоких уровнях. Институт подчиняется Минздраву и ему решать, кого брать на руководящую работу. При чем здесь райком? Вот посмотри на эту фразу. – Петр Петрович взял у Ивана письмо, одел очки и нашел нужное место на листке бумаги. – Вот, смотри: «В период развития демократических принципов в нашем обществе, развития критики и гласности, проводимых нашей Партией, директор института Лядов Петр Петрович единолично, не посоветовавшись с коллективом, пригласил на должность заместителя директора института Белецкого И. П., который не является специалистом в нашей области и фактически не сможет отвечать за развитие научных исследований в институте. Коллектив нашего отдела проводит очень нужную для страны работу по уничтожению грызунов, приносящих ущерб здоровью и народному хозяйству, несмотря на постоянное противодействие директора института и срыв материального обеспечения экспедиций, что имело место в текущее лето». Ну как вам это?

Петр Петрович бросил на стол листок бумаги и пошел в сторону двери кабинета. Потом остановился, резко обернулся и подошел к столу.

– Иван Павлович, ты уже познакомился с работой отдела дератизации?

– Нет, Петр Петрович, еще не успел.

– Вот что, брось все и посмотри внимательно отчеты за прошедшие три года и заодно отчеты по экспедициям. Сделай свое заключение, дай мне на подпись. В понедельник или во вторник поезжайте вместе с Людмилой Порфирьевной в райком. Надо подготовить достойный ответ, чтобы закрыть там эту тему. В райкоме должны знать, что действия дирекции и партийной организации института идут в русле рекомендаций нашей партии и приведенные в письме фразы – всего лишь необоснованные выдумки авантюристов. Ну, найдите слова помягче. Словом, это задача номер один.

– Вас понял, Петр Петрович. Так и сделаем. А сейчас я хотел бы забрать этот листок и побеседовать с Людмилой Порфирьевной. Вы не возражаете?

Иван встал и пригласил секретаря парторганизации к себе в кабинет. Там он расспросил эту взволнованную женщину, в каких тонах было передано ей письмо и что от нее конкретно потребовали, что за человек инструктор райкома и можно ли с ним вести доверительные разговоры?

– Ну что можно сказать. Вы сами знаете, как разговаривают с нами в райкоме. Как будто мы у них в неоплатном долгу. Разговор был на высоких тонах. Она, инструктор женщина, сказала, что это письмо ей передал первый секретарь и строго указал, чтобы та разобралась во всем в деталях.

– Так, – прервал Людмилу Порфирьевну Иван, – в деталях? Это уже лучше, уже можно найти, какие доводы должны быть приведены в нашем ответе. А в какой форме нужно подготовить ответ?

– Я не спросила, – лицо секретаря вновь залилось краской, и она просительно взглянула на доктора Белецкого, как-бы извиняясь за свою неосмотрительность или неумелость.

– Ну, ладно. А скажите мне, Людмила Порфирьевна, что за человек этот научный сотрудник. Я ведь еще не знаком с ним, да, признаюсь, и не хочу пока знакомиться.

– Мужчина, чуть старше вас, биолог, кандидат наук, пришел к нам в институт вместе с Шиловой из университета. Поговаривают, что он приходится ей каким-то родственником. Но я этого точно не знаю. Человек он жесткий, грубый, не интеллигентный, одним словом, не симпатичный. Я бы не хотела с ним вместе работать.

– А Шилова?

– Шилова еще хуже, заносчивая, считает себя самой умной, ни с кем не общается. Даже в рамках отдела у нее нет близких людей.

– Что ж, это тоже хорошо, – промолвил Иван, вслух отвечая своим мыслям, – а какой срок вам дали на подготовку ответа.

– Три дня. Сегодня первый день.

– Значит, послезавтра к вечеру мы должны быть там. Так и передайте инструктору, что будем вовремя. Остальное я беру на себя.

Остаток дня и весь следующий день он изучал «досье» на отдел дератизации, взяв отчеты отдела за три года. Когда спросил Вадима Алексеевича, есть ли отчеты по экспедициям, тот пожал плечами и ответил, что отдельных папок нет, но может быть в годовых отчетах отдела можно найти материалы по итогам экспедиций.

– Что-нибудь серьезное произошло? – спросил Вадим Алексеевич с нескрываемым любопытством. Иван взглянул на него, пытаясь понять, знает ли он о письме в райком. Но на его закрытом лице ничего не прочел.

Через день он передал Лидии Ивановне текст ответа на письмо Шиловой и попросил, чтобы никто не смог бы увидеть, что она печатает. Письмо было изложено на трех страницах убористого почерка Белецкого. Напечатанное просил передать на подпись Петру Петровичу. Все это следует сделать до трех часов, не позже. Я буду ждать. Потом он позвонил к Людмиле Порфирьевне и предупредил, чтобы к трем часам она была готова. И еще. Наверное, стоит предупредить нашего инструктора, что мы придем к ней не позже четырех часов.

Петр Петрович прочитал письмо, с удовольствием крикнул и пригласил к себе Ивана.

– Ну, ты молодец. Здорово ты их распатронил, не оставил ни единого шанса. Я подписываю.

– Спасибо, Петр Петрович. Вашими устами да мед пить. Как там будет в райкоме, еще неизвестно.

– Не скромничай. Все будет в порядке. Возьми мою машину, так быстрее будет.

Райком располагался недалеко от института и уже минут через десять они поднимались по лестнице в сторону кабинета, инструктора райкома, курировавшего институт. На табличке, прибитой к двери, была надпись «инструктор Родионова Алла Петровна». Постучались, вошли в кабинет. За столом сидела женщина лет сорока-сорока пяти. Миниа-
тюрная со слегка вздернутым носиком и с каштанового цвета волосами. Людмила Порфи-
рьевна представила инструктору нового заместителя директора института, доктора меди-
цинских наук Белецкого Ивана Павловича. Инструктор с улыбкой кивнула головой, потом
подняла взгляд на Ивана, как-бы желая что-то спросить. Иван тоже внимательно посмотрел
на инструктора. Женщина показалась ему удивительно знакомой.

– Мы раньше не встречались? В райкоме комсомола, на Кропоткинской.

– Да-да, – воскликнул Иван, – инструктор Родионова, Алла. Тогда мы еще были в ком-
сомоле.

Людмила Порфирьевна с удивлением посматривала то на инструктора, то на замди-
ректора. Вот это да, они старые знакомые.

– Значит, это тебя обхаивают в письме? Это ты занял чье то место?

– Чепуха все это. Я сейчас тебе все расскажу. Как ты сама? Фамилию сохранила. Семья, дети?

– Да, все это есть. И муж и двое детей. А фамилию оставила девичью. Ну как бы ты меня узнал, если бы я была сейчас Егорова, а не Родионова?

Они еще некоторое время предавались милым воспоминаниям своей комсомольской юности, когда Алла была инструктором райкома комсомола и курировала комсомольскую

организацию института гигиены, секретарем которой был Иван. Потом перешли к делу. Алла Петровна взяла протянутое Иваном письмо и углубилась в его прочтение.

– Ну, что ж. Чувствуется рука доктора наук. Ты писал?

– Товарищи помогали.

– Ладно, я думаю, что смогу убедить нашего первого, что вопрос закрыт. Но, Иван, при одном условии, что ты предпримешь все необходимые меры, чтобы избавиться от этого демагога и карьериста. Сам понимаешь, что тебе вместе с ним не работать. Он просто так не отступится от своих амбиций. Ты согласен?

– Да, Алла, вполне. Я уже работаю над этим. Но раньше времени не хочу раскрывать карты, – Иван незаметно покосился на Людмилу Порфирьевну, а потом взглянул на инструктора, – я ведь только неделю работаю здесь и вот такое. Не волнуйтесь, Алла Петровна, это временное явление и серьезного рецидива не будет.

– Ну, раз вы здесь, хочу предупредить, что через пару недель будет большое совещание с представителями научных институтов. Готовится новое постановление партии о совершенствовании работы научных учреждений на современном этапе. Быть обязательно. Подумайте, может быть есть какие предложения с вашей стороны, особенно, в отношении внедрения хозрасчета.

Попрощались с теплотой в голосе. Нужный контакт был налажен. На обратном пути Иван предложил Людмиле Порфирьевне подумать о внедрении хозрасчета в нашем институте. Ивана сейчас этот вопрос пока что не занимал. Он думал о том, какие следующие шаги может предпринять Шилова и ее верный помощник, кому станут писать. Иван был уверен, что такие шаги последуют, и сейчас он сожалел, что на дворе лето и что большинство руководителей в отпусках, и первый после каникул ученый совет может быть собран не раньше начала сентября.

Петр Петрович ждал их возвращения. Он волновался, несмотря на весь его значительный опыт и авторитет, которым он обладал в Минздраве.

– Ну как доложили? Что решили?

Иван кратко рассказал о переговорах с инструктором, потом сообщил, что она оказалась его старой знакомой, еще по работе в комсомоле и добавил, понизив голос, что та рекомендовала решать вопрос радикально. Петр Петрович кивнул головой и промолчал. Такой жест был рассчитан на присутствующую здесь Людмилу Порфирьевну. Он, также как и Иван, считал, что та имеет контакт с отделом дератизации и вполне может все рассказать заинтересованным лицам. Перед уходом он добавил:

– Людмила Порфирьевна, я полагаю, что не следует сообщать кому-либо о письме и ваших переговорах.

– Я понимаю, Петр Петрович, – она вновь залилась краской: совсем не умела сдерживать свои эмоции.

Петр Петрович пригласил Ивана подвезти его домой на служебной машине. Директор жил на Беговой в доме, окна которого выходили на ипподром, как раз на беговую дорожку. Познакомил с приветливой женой, которая была несколько моложе его, предложил пройти в квартиру. Иван остановился у входа, посмотрев на свою обувь.

– Проходи, Иван, у нас нет «половых» проблем, – он раскатисто рассмеялся своей шутке, Иван улыбнулся тоже, – иди сюда, я тебе что покажу.

Петр Петрович подвел Ивана к окну и показал на ипподром. Там было оживление, но бега еще не начались. Что-то вещал репродуктор. Окно было закрыто и Иван не смог разобрать, о чем шла речь. Петр Петрович предложил Ивану чаю, но тот поблагодарил, сказав, что его ждет жена и пора ехать.

– Ну что ж, Миша тебя отвезет. Он ждет тебя внизу. Пусть, на всякий случай, узнает, где ты живешь.

Иван остался доволен началом второй недели его работы в новой должности. За ужином он красочно рассказывал жене о своих делах, особенно о неожиданной встрече с Родионовой и о своем визите к директору.

– Все это очень ответственно, – прокомментировала Людмила рассказ Ивана, – это твои первые шаги в новой должности, а люди, о которых ты говоришь, не желают тебе добра и будут биться до конца за свои интересы. Будь осмотрительным, не спеши доверять мало-знакомым сотрудникам.

Иван успокоил жену, заверив ее, что все будет так, как он задумал.

Глава 4. Освобождение

Иван продолжал работать над сценарием спектакля, в котором он был и сценарист и режиссёр. Условно для себя он назвал пьесу «Освобождение». Составил список действующих лиц. В него вошли: Петр Петрович, Вера Павловна, Вадим Алексеевич и, конечно, он сам. Эти люди будут участвовать в первом и основном акте спектакля – заседании ученого совета. Они были основными участниками спектакля. На втором плане будут выступать некоторые члены ученого совета, с которыми Иван успел познакомиться. Те должны дать оценку предложениям и поднять руки «за» во время голосования. На них вся надежда. С ними следует поговорить до заседания и предложить поддержать новую структуру. Список сотрудников второго плана еще не составлен окончательно, но кое-кто уже дал согласие поддержать дирекцию. Еще остается переговорить с двумя-тремя сотрудниками лабораторий и будет достаточно. Эту работу может сделать Петр Петрович.

Теперь о самом предложении, которое будет озвучено на ученом совете. Речь идет о новой структуре института. Нужно четко отработать новые названия лабораторий, а, прежде всего, найти убедительную подоплеку необходимости предлагаемой акции. И вот такая подсказка появилась. На совещании в райкоме партии речь шла о реализации нового постановления партии и правительства по повышению эффективности работы научных учреждений страны. И как-бы между стандартными фразами, свойственными таким постановлениям, Иван уловил нужное обоснование. Докладчик сетовал на то, что у большинства научно-исследовательских институтов многие годы не меняется структура, часто не соответствующая сегодняшним реалиям и потребностям нового периода развития страны. Докладчик призывал также пересмотреть структуры институтов, направив их на достижение большей эффективности исследовательской работы. Этого было достаточно. В докладе также речь шла о необходимости быстрее внедрения хозрасчета в работу институтов. Было сказано, что на современном этапе страна не в состоянии содержать в полном объеме учреждения, что заработная плата постоянно снижается, не хватает средств на научное оборудование, командировочные расходы. А порой, даже на поддержание помещений в нужном порядке. Словом, оратор призывал зарабатывать деньги самим институтам. Правда, каким образом делать это, он не сказал. Рекомендовал лишь посоветоваться с министерствами и ведомствами, обменяться опытом со своими смежниками, словом получалось так, что «спасение утопающих – дело рук самих утопающих» и бесполезно рассчитывать на государственную поддержку. «Вот так перестройка», – подумал Иван, и, услышав шумок, раздавшийся в аудитории, подумал, что именно так оценивают сказанное и большинство присутствующих в зале.

В конце совещания Иван подошел к своему инструктору Родионовой. Ему важно было узнать, чем завершилась история с письмом. Алла Петровна успокоила его. Первый секретарь был удовлетворен объяснениями на письмо, которые подготовил Иван. Решили написать им ответ, что по их письму проведена проверка и все. Вернувшись в институт, Иван пригласил к себе Веру Павловну. Последнее время они не часто виделись из-за большой занятости Ивана. Был шестой час, но Вера Павловна еще оставалась на работе.

– Добрый вечер, Вера Павловна, проходите, садитесь сюда. Хочу вам доложить о последних новостях. Сейчас был на совещании в райкоме и там обсуждали постановление партии и правительства о повышении эффективности работы научных учреждений, и докладчик сообщил, что у большинства институтов уже многие годы не меняется структура, хотя потребность в этом есть. Это одна из причин отсутствия роста эффективности. Структура должна следовать за изменением задач. Вот эту подсказку мы и возьмем на воору-

жение. Надо раздобыть текст постановления, он напечатан, наверно, в «Правде», чтобы дословно скопировать эту часть.

Вера Павловна старательно записывала все, что говорил Иван, в свой блокнот. Иван замолчал, посмотрел на ее старания, потом перевел взгляд на ее блузу, несколько расстегнутый ворот и начальные очертания груди, поднял глаза чуть выше и остановился на очертании губ, чуть вздернутом носике и встретился с ее глазами. Вера Павловна отложила карандаш, и все это время смотрела на Ивана, наблюдала, как он не спеша изучал детали ее внешности.

– Давно не виделись с вами, Вера Павловна. Соскучился.

Былова сделала попытку улыбнуться на слова Ивана. Получилось не совсем удачно.

– Ничего, теперь будем видеться чаще. Мы выходим на финишную прямую подготовки первого после летних каникул заседания ученого совета, где и будет разыгран первый акт спектакля. Иван кратко изложил свои соображения. Вера Павловна пробовала вновь записывать.

– Пока писать ничего не надо. Это всего лишь мои представления. Я попытался изложить их на бумаге, вот здесь, – Иван показал на лист, исписанный мелким почерком. – Давайте сделаем так. Я завтра еще поработаю над этими соображениями. Потом стоит наверно все это отпечатать в четырех экземплярах, каждому из главных действующих лиц по одному, с тем, чтобы каждый из нас сделал свои правки. Потом проведем совещание нашей четверки. Сделаем правки, распределим роли и вперед.

– А кто входит в эту четверку? Я все это слышу впервые.

– Петр Петрович, вы, Туров и я. Мы будем ведущими на первом заседании ученого совета. Кто-то из нас сделает доклад и представит предложения по новой структуре института. Пойдут вопросы, комментарии. Нужно быть готовыми к ответу на них. Потом голосование. Его тоже нужно подготовить. Получить утверждения новой структуры большинством голосов и уже на следующий день издать приказ директора, а подготовить его нужно заранее. И вам придется обойти руководителей подразделений и собрать подписи под грифом «Ознакомлен», прямо по списку. Кто-то из них может прийти к вам и подписать приказ в вашем кабинете. Уже на следующий день нужно объявить конкурс на замещение вакантных должностей руководителей и научных сотрудников. Как сами понимаете, бюллетени надо заготовить заранее. И через две недели назначить второе заседание ученого совета, где и произойдет голосование. Вот, приблизительно, такой сценарий спектакля под рабочим названием «Освобождение». От кого? Вы сами понимаете. Кстати, хотел вас спросить, секретарь партийной организации Людмила Порфирьевна является членом ученого совета?

– Нет, только руководители подразделений.

– В нашем институте секретарь входил в состав ученого совета. Надо ввести до первого заседания, кстати, и меня тоже. Людмила Порфирьевна знает кое-что, поскольку была занята с письмом в райком партии, подписанное Шиловой и Гусиным.

– Простите, Иван Павлович. Я не в курсе, о каком письме идет речь?

– Это моя вина. Я должен был поставить вас в известность.

И Иван пустился в длительное повествование, опуская некоторые детали. За окном стало смеркаться, в кабинете тоже установился полумрак. Иван встал, подошел к выключателю и щелкнул тумблером. Возвращаясь на свое место, слегка прикоснулся к плечам Веры Павловны, наклонился и произнес на ушко.

– Я совсем замучил вас. Вы наверно устали. Рабочий день давно закончился. Пошли домой.

Вера Павловна поднялась со стула и повернулась к Ивану. Посмотрела ему в глаза. Слегка тряхнула кудряшками.

– Да, пора. Уже семь часов.

Через пару минут, собрав свой портфель, Иван выключил свет, и зашел в кабинет Веры Павловны.

– Вы на метро? Пошли вместе. По дороге поговорим.

Пока шли к метро, обсуждали некоторые детали предстоящего «спектакля». Потом Вера Павловна взяла Ивана под руку и сменила тему разговора.

– Сегодня ровно месяц, как вы пришли к нам. Сейчас страсти немного поутихли, а поначалу моя дверь почти не закрывалась. Мои знакомые, женщины, с которыми я мало-мальски в близких отношениях, все приходили и расспрашивали о вас. А я и сама мало что знаю. У нас так и не было возможности поговорить с вами не о работе.

– Ну, где уж тут. О работе и то не успеваем. В таких случаях говорят «дела захлестнули», но положение надо исправлять. Моя дверь открыта, и я готов беседовать с каждым сотрудником. Вот, например, за этот месяц я познакомился с Натальей Федоровной и еще с несколькими женщинами – руководителями подразделений.

– Это не то. Те женщины, о которых я говорю, интересуются другими вопросами. Они хотят знать, что вы за человек, как относитесь к женскому полу. Их интересует, можно ли с вами «закрутить» что ли любовную историю. Понимаете?

– А вас, Вера Павловна, этот вопрос не интересует?

В это время Иван пропустил Веру Павловну в открывшуюся дверь вагона метро. Было тесно и жарко. Иван испытывал некоторую неловкость от вынужденного прикосновения к талии женщины, помогая ей продвинуться вперед. Поезд набирал скорость, и вагон раскачивался из стороны в сторону. Иван и Вера Павловна непроизвольно соприкасались все чаще. Лишь когда прошли в середину вагона, ухватились за поручень и повернулись друг к другу. Из-за шума в вагоне говорить приходилось громко или на ушко, и тут вновь возникали контакты. Вера Павловна время от времени откидывал голову, и вопросительно смотрела на Ивана, как бы стараясь понять значение этих случайных прикосновений. Но вот пришло время выходить ей из вагона. Попрощались до завтра, и Иван остался один. Некоторое время он думал о Вере Павловне, ощущая на губах и щеках аромат ее духов. Возможно, в этот момент у него стало появляться первое робкое чувство симпатии к этой женщине.

Среда, 2 сентября – на этот день было назначено первое после летних каникул заседание ученого совета института. Вера Павловна подготовила повестку дня. Главным был вопрос «О новой структуре института». Докладчик – Туров В. А. Вот так, простенько, обыкновенный рабочий вопрос, без всякого ажиотажа и треволнений, которые иногда возникают в коллективе, когда намечается что-либо важное, способное повлиять на привычную жизнь сотрудников. Для доклада был подготовлен плакат с новой структурой, который решили разместить рядом с другим плакатом, где была нарисована старая, ныне действующая структура. Если присмотреться к этим плакатам, то можно было заметить лишь незначительные изменения в названиях отделов и лабораторий, так что, на первый взгляд, у неискушенного сотрудника мог возникнуть вопрос: «Зачем нужны эти несущественные изменения?» Например, вместо лаборатории «Токсикологии» предлагалось новое название «Оценки токсичности препаратов», а в названиях лабораторий дезинфекции и дезинсекции появился термин «эффективность средств дезинфекции» и, соответственно, «эффективность средств дезинсекции». Получили изменения также лаборатория гигиенических исследований и, наконец, отдел дератизации. Его название предлагалось изменить на лабораторию городской дератизации, что означало борьбу с грызунами в городских условиях, а не в сельской местности, как это было последнее время и что, собственно, не устраивало дирекцию и руководство Минздрава. Формальным поводом к предлагаемым изменениям послужило упомянутое выше постановление об эффективности научных исследований, а главный фокус изменения структуры заключался в том, что вслед за этим должен последовать конкурс, в котором не все сотрудники могли вновь получить свои должности. В первую очередь, это касалось руко-

водства отдела дератизации. Им предстояло либо согласиться с необходимостью развития новой тематики, к которой они явно были не готовы (борьба с грызунами в условиях города это совсем не то, что в сельской местности), либо подать заявление об уходе по собственному желанию. Что и требовалось доказать. В таких условиях ни Шилова, ни ее ближайший помощник уже не станут писать письма и требовать отмены приказа о назначении доктора Белецкого заместителем директора.

Петр Петрович был явно доволен. Он предвкушал картину негодования со стороны своих оппонентов и предчувствовал их следующие шаги, явно обреченные на провал. Еще за неделю до ученого совета он посетил Михаила Ивановича и рассказал о предстоящем ученом совете, отметив авторство всей этой идеи, принадлежащее Белецкому, впрочем, в соавторстве с ним, как с директором института. Михаил Иванович одобрил в целом задуманный ход, но выразил опасения, что не все может так благополучно завершиться, как они задумали, и предложил свое участие в заседании ученого совета. Что ж, это была здравая мысль. Михаил Иванович, как куратор института, мог бы сказать вводное слово, подчеркнув заинтересованность Минздрава в обновлении структуры института и, заодно, представить Белецкого как нового заместителя директора по научной работе. Перед уходом Петра Петровича он попросил напомнить ему за день, два об этом.

Все было готово к заседанию ученого совета. Петр Петрович по возвращении из Минздрава пригласил Ивана к себе. Тот через пару минут вошел в приемную директора и столкнулся с незнакомым ему мужчиной, который вертелся у стола Лидии Ивановны, держа в руках какое-то письмо. Завидя Ивана, он резко повернулся к нему и в его глазах вспыхнул такой огонь, как если бы перед ним неожиданно появился дикий и опасный зверь. Он протянул в сторону Ивана письмо и, размахивая им, попытался что-то сказать. Его слегка поседевшая узкая борода по козлиному затряслась на злом лице.

– Так это вы и есть тот самый, – его руки тряслись. И выглядел он весьма угрожающе. Иван решил не испытывать терпение этого человека и поспешил удалиться в кабинет, быстро закрыв за собой дверь.

– Что там за шум? – спросил Петр Петрович, вставая из-за стола.

– Какой-то мужчина расшумелся. Трясется весь, аж борода ходуном ходит, – Иван невесело улыбнулся, подходя к столу директора.

– А это, наверно, Гусин. Ему пришло письмо из райкома, но пришло оно на мое имя. Я его расписал ему. Вот он его и получил.

– Интересно, а что было в том письме?

– Да, так, формальная отписка. Пишут, что ознакомились с существом вопроса и считают, что действия дирекции обоснованные и направлены на повышение эффективности научных исследований.

– Теперь понятно, почему он такой злой. Он, конечно, ожидал другой ответ. Интересно, на кого он теперь будет жаловаться? На райком? – Иван вновь улыбнулся, и его улыбка не была доброй.

– Послушай, я сегодня был у Михаила Ивановича. Рассказал ему о наших планах. Он все одобрил, но сказал, что опасается за успех дела. Собрался сам приехать на совет и поддержать от лица Минздрава. Заодно захотел и тебя представить, как моего зама. Это хорошо. Это придаст тебе вес в коллективе. Все-таки, его поддержка много значит. Слушай, я что думаю. Может быть, стоит написать ему небольшую подсказку о тебе, вроде как справку. Сделай такую небольшую бумагу, для тебя это не составит труда.

Иван кивнул головой и напомнил Петру Петровичу, что еще до совета нужно подготовить приказ о введении новой структуры института с 3 сентября и о последующем конкурсе.

– С конкурсом можно не спешить. Вообще полагается давать месяц на подготовку документов к конкурсу. Мы об этом объявим в следующем приказе. Пусть народ перетрет

новую структуру. А ты тем временем займись обходом и знакомством с лабораториями, с научными кадрами. Тогда и конкурс подоспеет.

– Справедливо, – заметил Иван, – во всяком деле нужна передышка.

Глава 5. Ученый совет

К одиннадцати часам утра второго сентября перед входом в конференц-зал царило оживление. Женщины в нарядных одеждах и мужчины при галстуках приветствовали друг друга, предлагая первыми пройти в зал. По всему было видно, что большинство из них соскучились друг по другу и настроены по доброму, почти по праздничному. На лицах многих из них лежал свежий загар, и это свидетельствовало о том, что они хорошо отдохнули. Без нескольких минут одиннадцать Иван покинул свой кабинет и спустился этажом ниже, где располагался конференц-зал. Иван испытывал некоторое смущение, так как ему предстояло впервые предстать перед всем коллективом. Многих из сотрудников он еще не успел узнать. Подойдя к двери, он увидел несколько человек, размахивающих руками, они спорили о чем-то, перебивали друг друга, но, завидя Белецкого, слегка успокоились. Одна из женщин, белокурая с карими глазами, улыбнувшись, попросила пропустить его в зал, сама вошла следом и представилась.

– Здравствуйте, Иван Павлович. Меня зовут Марина Александровна Котова, я из лаборатории дезинсекции. Приятно с вами познакомиться. Вы где сядете?

– Давайте присядем здесь, – предложил Иван, указывая на первый ряд стульев, – мне тоже приятно. Вы давно из отпуска?

– Неделю как на работе. Пришла и увидела повестку дня. Это что-то серьезное, пора собирать вещи? Или просто так?

– Нет, не просто так. Это вполне серьезно, но вещи собирать пока рано, – говоря это, Иван слегка улыбался, разглядывая приятное лицо женщины.

В это время в зал вошли Михаил Иванович и директор, следом за ним. Иван встал, поприветствовал за руку обеих.

– Проходи за стол президиума, – предложил Ивану Петр Петрович, – твое место там.

За столом президиума уже хозяйничала Вера Павловна. Она предложила стул Михаилу Ивановичу рядом с собой. За ним сел Петр Петрович и с краю – доктор Белецкий. Директор подождал с минуту, когда все усядутся и стихнет гомон, встал и с торжественностью произнес:

– Рад видеть всех вас здоровыми и отдохнувшими. Пришла пора поработать. В виду важности повестки дня, к нам приехал начальник нашего управления Маневич Михаил Иванович. Многие из вас знакомы с ним. Сейчас я предлагаю ему начать заседание ученого совета.

Зал несколько оживился: пошли шушуканья, тихие переговоры. Маневич встал и с присущей ему солидностью поблагодарил Петра Петровича за приглашение, затем представил коллективу нового заместителя директора.

– Многие наверно уже знакомы с ним. Прошло полтора месяца, как он работает в институте, и результаты уже на лицо. Сегодняшний вопрос в значительной степени был подготовлен с его участием. Теперь, пару слов о докторе Белецком, – Михаил Иванович сумел кратко, но емко охарактеризовать научную деятельность доктора Белецкого, особо подчеркнув его способности в области организации научных исследований в рамках страны.

– А известно ли вам, уважаемый товарищ из Минздрава, что Белецкий, которого вы так расхваливаете, никогда не занимался дератизацией и дезинсекцией?

– Это он самый? – спросил Маневич Петра Петровича, наклонившись к самому его уху. Петр Петрович кивнул головой.

– Его фамилия Гусин. Это он в основном мутит воду.

– Минздрав ни на минуту не сомневается в компетенции доктора Белецкого, – ответил в зал Михаил Иванович, – еще вопросы есть? Я думаю, каждый из вас будет иметь возможность побеседовать с доктором Белецким. Ведь так, Иван Павлович?

Иван лишь кивнул в знак согласия.

– Теперь, я хотел бы несколько слов сказать по первому вопросу, – помолчав чуть-чуть, продолжил Михаил Иванович. – Вы, наверное, все читали постановление партии и правительства о повышении эффективности научных исследований. За последние годы уровень, а главное, число новых разработок значительно снизилось. Это связано, по мнению руководства, с застоявшейся не эффективной формой планирования исследований. Для повышения их эффективности нужно постоянное совершенствование структуры учреждений. Она должна быть не застывшей на годы, а постоянно изменяющейся в зависимости от требований времени. Вот это, главным образом, и легло в основу предложенной новой структуры института. Не говоря о ней в целом, хочу лишь призвать вас критически подойти к каждой формулировке. Главное, получить острую, дееспособную, структуру, которая бы позволила достигать эффективный результат.

Михаил Иванович поблагодарил аудиторию за внимание, раскланялся, извинился за занятость, пожал Петру Петровичу руку и покинул зал. Стало ясно, что чиновник из Минздрава не смог или не захотел выдать из себя больше, чем сказал в своем выступлении. Петр Петрович продолжил заседание ученого совета, предоставив слово по основному докладу Турову Вадиму Алексеевичу. Тот был предельно конкретен. Он обратил внимание аудитории на два плаката, висевших рядом. На одном из них была старая структура института, на другом – новая. Перечислив представленные изменения названий подразделений, и достаточно утомив слушателей, вдруг замолк и обратился к Петру Петровичу, как студент, отвечающий по билету на экзамене.

– У меня все, Петр Петрович.

– Какие будут вопросы? Только прошу вас задавать вопросы конкретно по каждому названию. Не надо вновь возвращаться к преамбуле. О необходимости изменений уже все сказал Михаил Иванович.

Вопросы посыпались как из рога изобилия. Основные из них касались того, как за счет изменения названия можно повысить эффективность исследований. Это многим оставалось не ясным. Говорили даже, что повысить эффективность исследований можно за счет использования новой, более совершенной аппаратуры, автоматизации лабораторной техники, повышения информационного обеспечения исследований, соответствующей компьютеризации, чтобы не тратить ученый драгоценное время в поисках нужной литературы. Иван слушал эти вопросы, понимая их справедливость, и радовался за своих коллег. Все это может составить, если угодно, основу для будущих предложений по повышению эффективности научных исследований. Слушая выступления коллег, Иван мысленно составлял план своего ответа. Он должен отреагировать на задаваемые вопросы и так, чтобы большинство сидящих в зале, убедившись в том, что их новый зам по науке достоин своей должности. Он просто обязан выступить.

И когда начались обсуждения доклада, Иван попросил слово. Его выступление содержало два раздела. Первый – касался комментариев к некоторым изменениям названий. Вторым – был удачно синтезированным комплексом мероприятий, которые реально могли бы облегчить труд исследователей и повысить эффективность работ. Здесь были замечания коллег, которые он наспех записал на листке бумаги, а также и другие способы, в основном касающиеся техники лабораторных исследований. Он умело сослался на выступления коллег, повторив их, усилив за счет отдельных комментариев, чем польстил аудитории.

После выступления Ивана в бой кинулся Гусин. Его не удовлетворяло название лаборатории, которое предлагалось на смену их отдела.

– Что это за название: «Городская дератизация»? Нет такого понятия. Это звучит странно и не соответствует принятым биологическим стандартам. Я категорически против утверждения такого названия и буду писать в биологический журнал о неприемлемости такого термина. Кроме того, такое название полностью исключает наши работы по договорам в сельской местности, в частности, в Туркмении. У нас заключен договор до конца года, мы получили деньги вперед, наша бухгалтерия знает это. А теперь мы должны возвращать эти деньги? Это не малые суммы. А техника, вывезенная в полевые условия. Нет, остановиться сейчас в угоду административных желаний, это чистой воды волюнтаризм в науке. Я буду писать об этом.

В зале опять зашумели. Разыгрывающийся спектакль становился интересным все большему числу зрителей. Иван подумал о том, кто будет отвечать на эти высказывания. За столом президиума сохранялось молчание. Зал продолжал роптать. Затем терпение лопнуло у Петра Петровича. Он понял, что теряет контроль над аудиторией.

– Прошу тишины, – начал Петр Петрович, медленно вставая, – все не так драматично, как вы, товарищ Гусин, сейчас обрисовали. И напрасно вы подогреваете аудиторию. Я уверен, что члены ученого совета уже давно правильно поняли предлагаемую перестройку структуры института. И что нужно делать для реального повышения эффективности тоже уже всем ясно. Многие в своих вопросах это четко определили, а Иван Павлович сумел подвести черту под этой дискуссией в своем выступлении. Я вот что вам скажу, товарищ Гусин, работу отдела хотите вы или не хотите, а придется перестраивать, придется все же перейти на дератизацию в городских условиях. И хватит работать на дядю или тетю, не знаю, кто вам платит в Туркмении. И с нового года вам или кому другому в вашем отделе придется планировать новую тему применительно к городским задачам. Что же касается вашего хоздоговора, то вам, безусловно, придется завершить работы по нему. Это обязательство не только ваше, но и института. Здесь вопросов быть не должно.

Уважаемые коллеги! Я думаю, что говорить об этой наболевшей теме, я имею ввиду повышение эффективности, можно бесконечно долго. Но разговоры останутся разговорами, если мы не перейдем к делу. Поэтому я предлагаю перейти к голосованию по основному вопросу. Прошу выслушать предложение: кто за то, чтобы утвердить новую структуру института, прошу голосовать поднятием руки. Напоминаю, что голосуют только члены ученого совета. Прошу.

Вера Павловна считала количество поднятых рук, указывая рукой на каждого, кто проголосовал «за».

– Итак, «за» проголосовало двенадцать членов ученого совета. Кто «против»? Пожалуйста. Так, «против» только два голоса. Кто «воздержался»? Тоже только два голоса. И так, большинством голосов утверждается новая структура института. Поздравляю вас, коллеги. Надеюсь, для вас не составит особого труда изменить направления исследований в соответствии с утвержденной структурой. Хочу, в связи с этим, напомнить также, что завтра каждый руководитель подразделения должен будет подписать мой приказ, утверждающий новую структуру института.

Далее на повестке дня были текущие вопросы, которые готовила Вера Павловна. Они носили в основном информационный характер о плане работы ученого совета до конца текущего года, о сроках представления отчетов и прочее. Через полчаса Петр Петрович закрыл заседание ученого совета.

По приглашению директора зашли в его кабинет. Расселись за длинным столом, Петр Петрович сел во главе. Былова, Туров и Белецкий разместились по обе стороны стола. Перед дверью Петр Петрович предупредил Лидию Ивановну никого к нему не приглашать. На минуту воцарилась тишина. Все смотрели на директора, ждали, что он скажет. И он сказал:

– Молодцы. Все разыграли как по нотам. Решение совета и новая структура у нас в кармане. Теперь нужно срочно подготовить приказ, – Петр Петрович посмотрел на Веру Павловну, – значит так. В приказе должно быть два пункта. Первый – утверждение новой структуры института. Второй – объявление конкурса с подачей документов до 1 октября, то есть ровно через месяц. Так будет по правилам.

Вера Павловна старательно записывала слова директора.

– Сегодня до конца дня дашь мне на подпись, а завтра с утра начнешь собирать подписи руководителей подразделений по списку. Для этого заготовь список, где против каждой фамилии будет стоять подпись. Во главе списка должно быть: «С приказом ознакомлен» и завтрашняя дата.

Затем Петр Петрович обратился к Белецкому:

– Как ты думаешь, Иван Павлович, ничего не забыли?

– Не забыли. Ваши распоряжения все к месту, – Иван произнес это с серьезной миной на лице, и Петру Петровичу понравилось его высказывание.

– Теперь, Иван Павлович, настает твой звездный час. Давай-ка с понедельника начни обход лабораторий и отделов института, так сказать знакомство воочию. Возьми с собой Веру Павловну, она как раз и будет не только сопровождать тебя, но и организует все эти встречи. Ты понимаешь меня, Вера Павловна?

Та кивнула головой в знак согласия.

– Кто там был против новой структуры института?

– Шилова и Дымова, – подсказала Вера Павловна.

– Вот и начните с них.

– А если откажутся принимать?

– Тогда я сам буду говорить с ними. Пока они работают в институте, обязаны выполнять распоряжение дирекции. В противном случае, будут уволены за нарушение трудовой дисциплины. Вот так им и объясни. Теперь, тебе Вадим Алексеевич, как руководителю научно-организационного отдела. Проведи консультации с лабораториями относительно постановки новых тем в соответствии с изменениями названий. Наверно, ближе к концу года следует провести слушания в рамках ученого совета по новой тематике на следующий год.

– И еще, я бы хотел добавить, – вмешался в обсуждение доктор Белецкий, – было бы хорошо, если бы вы, Вадим Алексеевич, к этому времени разработали стандартную форму подачи заявок на новую тематику, в которой следует отразить основные положения, например, аннотацию, цель, задачи, методы исследования, объем работ, планируемые результаты и формы внедрения. В общем, посмотрите сами, что еще нужно добавить и как это будет выглядеть. Потом мы с вами все это обсудим.

– Да, это дельное предложение, – поддержал Ивана Петр Петрович, – ну, ладно, обговорили все детали, пора и за работу.

В приемной Ивана остановила пожилая дама внушительной комплекции и небольшого роста. Это была Наталья Федоровна, руководитель отдела дезинфекции. Она просила принять ее. Иван предложил ей зайти через полчаса. После этого она направилась в кабинет директора. Вера Павловна дождалась Ивана в коридоре, а когда он открыл дверь в свой кабинет, прошмыгнул вслед за ним.

– Я только сейчас стала приходить в себя, – начала Вера Павловна, – а теперь я поняла, что напрасно я волновалась. С таким руководителем как вы бояться нечего. Вы все четко расписали, все получилось, как было задумано. Теперь мне понятно, как вы в столь молодые годы стали доктором наук. У вас все получается, потому что вы умеете думать и рассчитываете все на десять шагов вперед.

Вера Павловна стояла у дверного косяка и делилась, таким образом, своими впечатлениями о прошедшем заседании и том, какой умный и удачливый у нее руководитель. Видя,

что она не собирается проходить в кабинет и зашла к нему как-бы на минутку, Иван подошел к ней почти вплотную и внимательно посмотрел на ее разгорячённое лицо, положил руки на ее плечи и нежно поцеловал в щеку. Быть может, в этот момент она ожидала большего? Но дверь в кабинет не была закрыта на ключ, и Иван обязан был проявлять осторожность. Кроме того, тогда он еще не знал, как могла бы отреагировать на его более смелый поступок Вера Павловна.

– Спасибо за добрые слова, но многое вы преувеличиваете. Мы вместе готовили заседание и это наш общий успех. Теперь я вижу, что с вами легко работать. А что интересно хочет от меня Наталья Федоровна? – Иван отошел к своему столу, оставив Веру Павловну стоять у двери.

Вера Павловна, слегка покрасневшая и смущенная внезапным теплым поцелуем Ивана, встряхнула своими кудряшками.

– Я думаю, это простой визит вежливости. Она добрая и приветливая женщина, особенно по отношению к начальству. Вы скоро в этом убедитесь. Но будьте вежливы с ней. Еще не известно, какой она может быть, если вы не окажете ей достаточно внимания. На следующей неделе нам еще предстоит встретиться с неприятными людьми.

– Ничего. С таким помощником как вы мне ничего не страшно. А, хорошо бы, между прочим, посмотреть кое какую информацию об этих дамах еще до встречи с ними. Вы могли бы это устроить?

– Я постараюсь, – сказала Вера Павловна, открыла дверь и скрылась в коридоре.

«Все же она приятная женщина, но не надо было с ней так. Как она это поймет? И как вести себя дальше с ней. Мой жест к чему-то обязывает, может быть дает ей какие-то надежды?» – так размышлял Иван, оставшись один и усевшись в свое кресло.

А в это время в маленьком кабинетике заведующей отделом дератизации Шиловой происходило совещание. На нем присутствовали ее ближайший помощник Гусин и пришедшая в гости к ним Дымова, заведующая отделом дезинсекции. Обе они были в оппозиции к руководству института и голосовали против новой структуры. Только Шилова была явным противником Петра Петровича и его нового зама, как и ее помощник Гусин, в то время как Дымова пока что не хотела в открытую заявлять о своей неприязни к новому руководству. Впрочем, она сейчас высказывала свою точку зрения на нового зама совершенно определенно. Она считала, что доктор Белецкий, хотя и является доктором медицинских наук, но никакой он не специалист в области дезинсекции. Он просто не знает этого предмета. И вообще, он относится к таким людям, о которых говорят «из молодых, да ранних». Она считала, что у него на верху «крепкая рука», что его кто-то явно поддерживает. Ну, как в Минздраве могли согласиться на его кандидатуру, когда знали, что он специалист не нашего профиля. А посмотрите, как он держится, как одет. Говорят, он длительное время работал за границей. Опять-таки, как он туда попал. Мы ведь знаем, что просто так туда не попадают.

Ее горячо поддерживал Гусин. Он упирал на то, что в райкоме партии у Белецкого тоже есть поддержка. Но это были всего лишь эмоции. Что нужно делать в сложившейся ситуации и можно ли вообще исправить дело? Гусин все больше стал понимать, что ему не стать заместителем директора института, и, тем более, директором после ухода Лядова на пенсию. Для этого нужна поддержка Минздрава, а ее – то, как раз у Гусина нет. Шилова вдруг предложила написать письмо министру здравоохранения, где изложить суть вопроса, заключающуюся в том, что директор пользуется поддержкой санэпидслужбы, в то время как институт работает на нужды всего здравоохранения. Гусин не стал отвечать на это предложение, так как он не был уверен в его успехе, но таким письмом можно было окончательно испортить отношения с директором института. У Гусина были свои планы, о которых он пока никому не говорил. А сейчас он был еще озабочен и другой проблемой: ему обязательно нужно появиться в экспедиции, посмотреть, как там идут дела, поговорить с руководством респуб-

ликанской дезстанции, под эгидой которой ведутся все полевые работы. И лететь в Ашхабад нужно в ближайшее время. Гусин не совсем доверял Гафарову, он чувствовал, что у того есть свои виды на экспедицию. Ведь он туркмен и это придавало ему много преимуществ по сравнению с ним, Гусиным, русским, хотя тот и был кандидатом биологических наук.

Ровно через полчаса Наталья Федоровна постучала в дверь кабинета Белецкого. В комнату вошла полноватая, невысокого роста с седыми волосами и приятным лицом женщина. Она присела у стола Ивана и с улыбкой на устах промолвила:

– Как хорошо, что вы пришли к нам. Такой молодой и красивый мужчина, доктор наук, умница, вы внесли сразу живую струю в наш коллектив. Сейчас у вас будут нелегкие времена, но вы можете рассчитывать на мою поддержку. Я уже много лет работаю в институте и знаю многих руководителей довольно хорошо. Они тоже окажут вам поддержку. Я думаю, у вас все будет хорошо.

– Спасибо, Наталья Федоровна, за ваши теплые слова и вашу поддержку. Действительно, я сейчас очень в ней нуждаюсь. Спасибо, еще раз.

Обменявшись, таким образом, «верительными грамотами», эти двое расстались как хорошие друзья.

Глава 6. Экспедиция

Гафаров распахнул легкие двустворчатые двери дачного домика, принадлежащего горкому партии, и вышел на затененное крыльцо. Он был одет в легкие сатиновые шаровары голубого цвета, белые беговые тапочки, без рубашки и с вафельным полотенцем на плече. Остановился, огляделся. Перед ним простиралась тенистая аллея, покрытая аркой из виноградной лозы, густо облепленной тяжелыми гроздьями черного винограда. Ягоды свисали до уровня головы взрослого человека, манили к себе, созревали и ждали, когда их снимут. Он прошелся по аллее и вышел на небольшой дворик, залитый утренним солнцем. Здесь было заметно теплее. Гафаров окинул хозяйственным взглядом немногочисленные постройки: кухню и обеденный стол под навесом, сарайчик, приспособленный под конюшню, где отдыхал конь не первой молодости, выделенный ему городской администрацией для полевых разъездов, гараж с открытыми дверьми, где ночевал институтский грузовик, пригнанный сюда для хозяйственных нужд. В глубине гаража – бочка с бензином. Вот и все хозяйство экспедиции института дезинфекции, организованной здесь в окрестностях Ашхабада. Гафаров – сотрудник дезстанции, здесь был заместителем начальника экспедиции. Начальником являлся Гусин. Гафаров подошел к умывальнику, еще с вечера наполненного водой, повесил рядом полотенце и стал ожесточенно натирать свои щеки, плечи и шею, фыркаясь и отплевываясь. Совершив, таким образом, утренний туалет, он обтерся полотенцем, полез в карман сатиновых шаровар и достал оттуда наручные часы. Посмотрел на циферблат, закрыл заводную головку, одел на руку. Пора вставать. Но никто, кроме него, еще не проявлял активности. Да, эти ребята – москвичи с ленцой: вечером не уложишь, утром не добудишься. На хоздворе появилась немолодая туркменка, жительница соседнего села. В экспедиции она работала на кухне: три раза в день готовила и подавала еду, в свободное время занималась уборкой помещений.

– Опять опоздала, Гульнара, сколько раз тебе говорить, чтобы завтрак был в восемь, – Гафаров сделал женщине замечание не по злобе, а так, для порядка, – а сейчас уже без четверти восемь.

– Так спят еще ребята.

– Потому и спят, что знают, что завтрак еще не готов. Ладно, что у нас сегодня на завтрак.

– Каша с тушенкой и чай с колбасой.

– Начинай готовить, а я пойду, оседлаю коня.

Конь стоял в своей конюшне, не двигаясь и только вертел ушами, как-бы вслушиваясь в разговор мужчины и женщины. Мужчина был его хозяином, конь успел привыкнуть к нему за прошедшее лето и сейчас никого другого не признавал. Василий, молодой лаборант экспедиции, иногда забирался на него, но ехал всегда осторожно, не спешил и не понукал. Конь терпел Васю, хотя признавал за хозяина только одного. Гафаров подошел к коню, потрепал его по холке, вручил вкусную хлебную корочку, которую конь с удовольствием принял из ладони хозяина, и начал его снаряжать.

Позавтракав, Гафаров, как заправский наездник, вскочил на коня. Тот, в свою очередь, стал перебирать ногами и трясти от нетерпения холкой. Гафаров успел надеть на голову каракулевою туркменскую папаху, крикнул: « я на обьезд» и поскакал вслед. Но это было лишь первую минуту. Потом он осадил немолодого коня и повел его шагом. База экспедиции осталась позади. Впереди была пожелтевшая степь, с многочисленными кочками и холмиками, а дальше, километрах в трех, начинались угрюмые и молчаливые горы, поросшие густым кустарником, и изрезанные оврагами. Его не тянуло туда. Он любил степь с ее привольным характером и обозримым простором. Это был его край, его Туркмения. Здесь он

вырос, стал биологом, завел семью. Здесь у него растут дети. И здесь он собирается жить до самой старости.

Гафаров глубоко вздохнул, посмотрел по сторонам и, убедившись, что все в порядке и что это все его, поехал на участки, где с вечера была разложена приманка с ядовитым сюрпризом для мышей-полевок, кротов и прочих вредных грызунов. Степь – это было место, где он работал, и менять это место на что-нибудь другое он не хотел. Вот бы сделать так, чтобы наша экспедиция продолжалась долго-долго: лето в степи, зимой – составление отчета и подготовка к новой экспедиции. Зимой – дом, жена, семья и дети. С ними тоже надо заниматься. Но главное все же степь и экспедиция. Думая о своем любимом предмете, он объезжал условные делянки одну за другой, помечал в блокноте нетронутые приманки и погибших зверьков. Иногда он слезал с коня, доставал свою специальную трость и наклонялся над очередной мышьиной норкой. Порой он извлекал оттуда погибшее животное и делал соответствующую запись в своем блокноте. Становилось жарко, хотя уже наступил сентябрь. До начала дождей надо спешить. С дождями экспедиция остановится. Проворные мышки снизят свою активность, и тогда уже не покажешь нужную эффективность. А для отчета она нужна. Без нее могут не продлить экспедицию на следующий год и что тогда? Чем он будет тогда заниматься в большом городе? Гоняться за крысами, лазить по подвалам и заглядывать в мусорные баки? Нет, его стихия – это степь. К обеду он вернулся на базу.

Алевтина, младший научный сотрудник отдела дератизации, сообщила ему, что звонил Гусин и спрашивался о том, как идут наши дела. Она была старшая из четырех членов экспедиции, среди которых, кроме нее, были еще совсем молоденькие девчонки – лаборанты и молодой парень, тоже лаборант. Он был высок ростом и худой, коротко подстрижен, так что трудно было понять цвет его волос. Василий был близорук, носил очки в тонкой оправе и по этой причине не был призван на службу в армию. В экспедиции из-за своей близорукости он не мог выполнять тонкую работу, например, заниматься дозировкой ядовитых веществ и их раскладкой по приманкам, но зато мог вполне ходить по степи и устанавливать приманки у норок зверьков, помечая их на карте. Эта работа подходила для него, особенно, когда рядом с ним была Юля, светлокудрая девушка в открытом платице. Она ему нравилась еще с начала работы в экспедиции, но что ему делать с этим его чувством. Он даже «подкапывал» к Алевтине за советом, как к старшему товарищу. Но какой совет она могла ему дать, если он и сам еще не знал, чего он хотел от Юли. И тем ни менее, по вечерам они любили оставаться на крыльце, подолгу наговаривая друг другу какие-то тексты, чем, естественно, мешали спать остальным. Тогда Гафаров выходил на крыльцо и предлагал им идти спать.

Пообедав рисовым супом с куском баранины, Гафаров отправился в свою комнату. Там он прилег на железную кровать и стал рассматривать свои записи в блокноте. На первый взгляд, эффективность препарата, который они испытывали, была на прежнем уровне, что и следовало доказать. Потом блокнот выпал из его рук на пол, и поднимать его уже не было сил. Дневной сон быстро сморил Гафарова. Тогда у него еще не было проблем, которые могли бы помешать его многолетней привычке – вздремнуть после обеда. Проснувшись, он вспомнил о звонке своего непосредственного начальника, Гусина, и это взволновало его. «С чего бы это вдруг? Может, случилось что? Ну ладно, если что серьезное, он перезвонит еще», – так решил Гафаров и направился к своему коню. Он знал, что в это время, его сотрудники во главе с Алевтиной уже обходят намеченные делянки и расставляют приманки. Не плохо бы съездить и посмотреть, все ли там в порядке. Алевтина, хотя и взрослая женщина и при ней не забалуешь, все же мужской взгляд начальника никогда не будет лишним. Солнце клонилось к закату и в степи появлялись редкие длинные тени от единичных деревьев. Появилась тень и от него самого, восседавшего на спокойном коне. Он повертел головой, повернул коня туда-сюда и улыбнулся чему-то. Увидел вдалеке Алевтину, тоже

в шароварах, но другого цвета, в белой панамке на голове, то и дело наклонявшуюся к земле и устанавливавшую приманки. Подъехал, спросил как дела, где остальные ребята?

– Дарья здесь, рядом, – она показала чуть в сторону по направлению к засыхающему кусту, – а Юля, как всегда с Васей, ушли туда в сторону арыка, – она показала рукой за холм, возвышавшийся в полукилометре отсюда.

Гафаров повернул коня в ту сторону, куда показала Алевтина. Он всегда волновался, когда эти двое молодых людей, уходили за холм в стороны арыка. Две причины были тому: во-первых, они исчезали из поля зрения и могли сделать что-нибудь такое, за что потом спросят с него, Гафарова, и во-вторых, – там змеи, а Вася близорукий и вполне может не заметить в густой траве змею. Такое уже было один раз, когда Гафаров едва успел своей тростью отшвырнуть гадюку, находящуюся всего в полуметре от него. Он только попросил Васю быть внимательнее и почаще смотреть себе под ноги. Юля была мечтательной девушкой и тоже мало смотрела себе под ноги, она все больше смотрела на небо и редкие облака, проплывавшие над ней.

Завернув за холм, Гафаров увидел идиллическую картину: молодые люди мирно беседовали сидя рядом друг с другом на высокой кочке, покрытой зеленой травой. Их блокноты лежали рядом, и, казалось, их совсем не волновала работа, которую они должны были выполнять. Гафаров подъехал к ним, спустился с коня, взял один из блокнотов и просмотрел записи, сделанные молодыми людьми. Это был блокнот Юли и там были отмечены только две осмотренные делянки. Затем он просмотрел записи в блокноте Васи – та же картина.

– Ребята, так дело не пойдет. Скоро стемнеет, а у вас только по две делянки. Такими темпами мы никогда не наберем статистику.

– Гафаров, какая разница, сколько делянок, – ответил Василий своему старшему товарищу, – давай проставим не две, а двадцать. Главное, работа идет и мышки дохнут. Нам за что деньги платят? За то, что мы травим полевок. И делаем мы это добросовестно, правда, Юля?

Девушка была согласна со своим другом, потому кивнула головой.

– И вообще, кому нужна эта статистика? Дезстанции или нам?

– Как вы это не понимаете? Этот показатель говорит об эффективности нашей работы. Если низкая гибель полевок, то наша работа не эффективна и дезстанция не захочет нам больше платить. Теперь понятно?

Ребята поднялись с кочки, на которой так уютно сидели, немного помялись на месте и, забрав у Гафарова свои блокноты, разошлись в разные стороны по своим делянкам, обследовать гибель полевок. «Ну, что будешь с ними делать?» – рассуждал Гафаров, забравшись на коня. Докладывать Гусину об этом инциденте он не хотел, как-то неловко было перед ребятами, не по-мужски. Он все-таки был туркмен, и докладывать начальству не входило в его правила.

В течение последующих нескольких дней ничего примечательного в жизни экспедиции не произошло. Ребята с утра заряжали приманки, Гафаров объезжал делянки и отмечал гибель зверьков. Вечером ребята раскладывали приманки по делянкам, а Гафаров контролировал их работу. Все эти дни он ждал звонка из Москвы. Сам он позвонить в Москву из этого телефона не мог. Для этого нужно было ехать в город на телефонную станцию. В экспедиции кончались продукты, и за ними тоже нужно было ехать в город. Гафаров с вечера подготовил старенький грузовик, заправил бензобак, завел двигатель и прогрел его, главным образом, для того, чтобы подзарядить аккумулятор. И рано утром он, наспех позавтракав, выкатил его во двор. До Ашхабада было километров сорок, часть этого пути приходилось ехать по проселочной дороге, укатанной несчастными автомобилями, местами густо поросшей травой. Дорогой он думал о том, как было бы хорошо сделать так, чтобы их экспедиция получила юридический статус. Например, учредить здесь в Туркмении филиал института дезинфекции совместно с дезстанцией, где бы он числился на постоянной работе. Тогда можно

было бы развернуть широкий фронт работ и выполнять заказы не одного предприятия, как сейчас, а сразу нескольких. И его зарплата могла бы вырасти в два, а то и в три раза. Его уже спрашивали несколько человек от разных предприятий об этом. Но пока он не мог дать им положительный ответ, поскольку он не начальник экспедиции, а всего лишь его зам. Он уже давно мечтал о домике в деревне, куда можно было бы вывозить на лето всю семью, и даже присмотрел такой не далеко от Ашхабада и его базы. Но для этого нужны были деньги, а где их взять? Вот если бы удалось учредить филиал. Эти мысли разволновали Гафарова, а звонок из Москвы усилил эти волнения. «Что-то случилось в институте», – почувствовал Гафаров и решил в первую очередь позвонить в институт. Он припарковал свой грузовик недалеко от здания телеграфа.

Москву дали быстро и уже через минуту Гафаров услышал в трубке неприветливый голос Шиловой.

– Анна Аркадьевна, здравствуйте. Это Гафаров из Ашхабада. Как у вас дела? Мне передали, что звонил Гусин. Я теперь думаю, что, может быть, что-то случилось?

– Случилось. Это последний месяц существования нашего отдела. С первого октября он будет называться по-другому и в нем больше не будет экспедиции.

Сердце у Гафарова оборвалось.

– Как не будет экспедиции? А что же нам делать? У нас ведь договор до конца года, идут работы.

– Вам много еще осталось? Сколько вы успели сделать?

– Процентов восемьдесят от запланированного объема. А как же имущество? Планы на будущий год?

– До первого октября все должно быть закончено, иначе некому будет сдавать отчет и всю экспедицию. Гусина сейчас нет и приехать он, скорее всего, уже не сможет. Так что давай в ближайшие дни прилетай сам. Здесь все и переговорим и с Цулая то же, ведь он будет принимать хозяйство.

Шилова положила трубку. Гафаров услышал гудки. Он вышел из здания телеграфа на освещенную полуденным солнцем площадь и двинулся в сторону машины. Гафаров понял со слов Шиловой, что произошло что-то совершенно неожиданное. С этим практически рухнули все его планы и надежды. Значит, экспедиции больше не будет и куда же он теперь? Морить крыс в подвалах зданий? Нет, надо что-то придумать, надо ехать к начальству, посоветоваться. Но сперва он решил заехать домой, провести жену и детей, а заодно и пообедать. Желудок ему уже напоминал об этом.

Забрался в кабину и повернул ключ зажигания. Аккумулятор подсел и почти не вертел стартер. Пришлось взять заводную ручку. Пока завел мотор, весь промок, с его лица пот катился градом. «Да, – подумал он, вновь забираясь в кабину, – на этой машине до Москвы не доехать. Лучше было бы ее просто списать и оставить здесь, в экспедиции». Он споткнулся на этом слове. Экспедиции больше не будет и с этим сразу рушились все его планы, так удобно выстроенные в его жизни.

Он приезжал домой из экспедиции не чаще одного раза в неделю, когда выбирался сюда за продуктами. Жена и дети всегда были рады ему. Вот и сейчас, когда он открыл дверь своей квартиры, к нему с криком кинулись сын и дочь. Они еще были дошкольники, но детский сад не посещали: нет мест. Поэтому их мать сидела с ними. Куда уж было идти работать, когда двое детей ждут тебя дома. Гафаров обнял и поцеловал жену, потом взял на руки детей, радостно оглядев их, опустил на пол. Умылся с дороги и прошел к столу. Жена уже подавала обед и, хотя она не ждала его в этот день, обед был приготовлен. На расспросы жены как у него дела, он ответил, что все нормально, в экспедиции все хорошо, что заехал за продуктами. Рассказал, что звонил в Москву и узнал о проблемах, которые возникли в институте. В детали вдаваться не стал, так как полагал, что жена все равно не поймет этих тонко-

стей. Вскоре он попрощался с женой, поцеловал детишек и вышел из дома. Решил заехать в дезстанцию, доложить о ходе экспедиции и заодно обсудить с главным врачом сложившуюся ситуацию. Он мало что полезного мог ожидать от беседы с главным врачом, так как понимал, что тот не был особенно заинтересован в работе экспедиции. Еще раньше Гафаров понял, что надо было включить его в состав экспедиции, что бы и он мог получать зарплату с бюджета хоздоговора. Теперь уже поздно, задним числом положение не исправишь. Гафаров лихорадочно думал, кто бы еще мог помочь ему в этом деле? Нужно высокое начальство, лучше всего из Минздрава республики или санэпидслужбы. Хорошо бы от их имени составить письмо на имя директора института с просьбой о продлении срока экспедиции, а еще лучше о создании постоянно действующей экспедиции института. Остаток дня он провел в переговорах с высоким начальством, но так и не сумел добиться полной его поддержки. Главный врач дезстанции вообще пожал плечами, сказав, что он не уполномочен решать такие вопросы: они, дескать, выходят за пределы его компетенции. В республиканской СЭС его отправили к заместителю министра здравоохранения республики, который будет лишь завтра. При этом ему порекомендовали заручиться поддержкой нескольких организаций, нуждающихся в проведении таких работ, то есть потенциальных заказчиков. Это уже оставляло надежду. Гафаров принял решение остаться в городе до завтра и позвонил в экспедицию, предупредил Алевтину, что вернется только завтра. Эту ночь он провел дома, в кругу семьи, на радость детишек и особенно жены.

Утром следующего дня Гафаров был уже у заместителя министра. И объяснив ему ситуацию, пообещал заручиться поддержкой, по крайней мере, трех крупных сельхозпредприятий весьма авторитетных в правительстве республики. Зам министра раньше не раз встречался с Гафаровым и тот выполнял его отдельные поручения, поэтому сейчас их отношения несколько выходили за рамки сугубо официальных.

– Послушай, Гафаров, а чего это ты так печешься об экспедиции? Ведь ты не ее начальник. Кто сейчас начальник экспедиции?

– Гусин, старший научный сотрудник института дезинфекции.

– А что, он твой родственник или хороший знакомый?

– Нет, он просто мой начальник, так сложились дела. Ведь не могу же я быть начальником экспедиции. Я не сотрудник института.

– А если экспедиция будет нашей, ну, скажем, при научной поддержке института, то почему бы тебе не стать ее начальником? Зачем нам Гусин?

– О-о, это было бы хорошо. Я даже не мог подумать об этом.

– Давай попробуем, джигит. Мы с тобой туркмены и мы у себя дома. Чего нам бояться? Составь проект письма на имя директора института, как там его, ах, да, Лядов, и напиши, что мы просим его оказать методическую поддержку в организации и работе научной экспедиции в удобной для института форме. Подчеркни, что многие сельскохозяйственные учреждения и здравоохранение республики нуждаются в работе экспедиции, что за прошедшие годы накоплен значительный опыт работы и показана высокая эффективность мероприятий против грызунов. Начальником экспедиции мы планируем сотрудника дезстанции Гафарова, который все эти годы непосредственно руководил работой экспедиции. Так, все запомнил? Лучше бы записал. Ну, ничего. Готовь проект письма, получай письма от организаций и приезжай ко мне через три дня.

У заместителя министра здравоохранения сегодня было явно хорошее настроение. Кроме того, он знал, что Гафаров услужливый и понятливый человек и поэтому можно было рассчитывать на определенную финансовую выгоду от всей этой затеи.

Глава 7. Будни доктора Белецкого

Шел третий месяц работы доктора Белецкого на новом месте. После отшумевшего первого ученого совета постепенно настал штиль. Страсти по поводу новой структуры института мало по малу улеглись. В коллективе поняли, что ничего принципиально нового не произойдет. Дезинфекция как была дезинфекцией, так ею и останется. То же произойдет и с другими отделами института. И лишь неясности оставались с отделом дератизации. Визит Белецкого с ученым секретарем также не внес ясности в его судьбу. После знакомства с работой отдела у Ивана осталось впечатление отсутствия какой-либо работы вообще. Лишь небольшая группа сотрудников во главе с Мельниковым делают конкретное дело. Ими дана экспериментальная оценка двум новым родентицидам, химическим препаратам по борьбе с крысами, и рекомендации по их применению в условиях города. Эти рекомендации направлены в Минздрав на утверждение. Остальные сотрудники отдела во главе с Гусиным заняты работами в экспедиции в Туркмении. Шилова от встречи с Белецким отказалась, ее просто не было в тот день в институте.

В отделе дезинсекции у Белецкого состоялся нелицеприятный разговор с его руководителем Дымовой. На вопросы Ивана она давала неопределенные ответы, стараясь, всякий раз подчеркнуть недостаточную его компетентность в биологии насекомых. А когда речь заходила о медицинских аспектах проблемы контроля численности насекомых, она отправляла его к работам института тропической медицины и паразитологии, ссылаясь на то, что для таких исследований существует специальный институт. В конечном итоге Ивану надоело такое препирательство, и он попросил Дымову показать рабочие помещения отдела. Та сослалась на занятость и вызвала к себе своего заместителя Маркову, которая непосредственно занимается комарами. Осмотрев инсектарий, где живут и размножаются летающие и не летающие членистоногие, и, поговорив с некоторыми сотрудниками, Иван понял, что отдел обладает мощной экспериментальной базой для исследования эффективности различных препаратов и, прежде всего, химической природы. Оказалось, что такие препараты в значительной степени имеются среди зарубежных разработок, но по какой-то причине не поступают на наш рынок. Иван взял на заметку этот вопрос и решил изучить его более тщательно.

Интересная беседа состоялась у Белецкого с заместителем директора по административно-хозяйственным вопросам Цулая Игорем Юрьевичем. Он не так давно вернулся из отпуска и еще не успел, как следует познакомиться с новым заместителем директора по науке. Сейчас он был несколько взволнован или чем-то возбужден. Ему вообще были свойственны резкие движения, соответствующие его южному темпераменту, хотя он и старался сдерживать себя. Вот и сейчас он вошел в кабинет, поздоровавшись за руку, сел на стул и стал излагать свою проблему, сопровождая речь энергичными жестами.

– Меня директор отправил к вам, Иван Павлович, когда я заговорил с ним об экспедиции.

Иван поднял брови и с интересом посмотрел на Игоря Юрьевича. Тот сидел у стола, слегка опустив голову, и смотрел из подлобья, как-бы ожидая удар от своего собеседника. На самом деле, это была всего лишь его манера вести разговор. Но Иван понял это чуть позже. Сейчас же он настороженно осведомился:

– Я не совсем понимаю вас, Игорь Юрьевич. Экспедиция и я, какая тут связь?

– Простая. Это вы придумали убрать отдел дератизации с экспедицией? Так вот. Я понимаю, что вы хотели избавиться от присутствия Шиловой и Гусина, а вместе с ними и убрали экспедицию.

– Насколько мне известно, Петр Петрович пообещал Шиловой дать возможность отделу завершить работы по экспедиции до конца года.

– Кто будет завершать? Они приходили ко мне и заявили, что участвовать в конкурсе не будут и увольняются с 1-го октября. А хозяйство? Там ценностей на большую сумму. Вот возьмут и бросят там все, а как мне отчитываться за материальные ценности: грузовик, палатки, постели и прочее. С кого я спрошу?

– С них и спросите. Не подписывать им увольнение пока они не отчитаются за материальные ценности.

– Легко сказать, не подписывать. Ладно, я понимаю, что и вы мне не помощник в этом вопросе. Посмотрим, еще две недели до конкурса, может, что-то придумаем. Я еще вот что хотел вам сказать. Ну, это конечно между нами. Вы ведь знаете, что следующим летом Петру Петровичу исполняется семьдесят лет и он, скорее всего, уйдет на пенсию. Кто станет директором института?

Иван пожал плечами, оставаясь в неведении по этому вопросу, но продолжал слушать Цулаю с интересом.

– Я думаю, вы первый претендент на эту должность. Других пока нет, но это не значит, что и не будет. Минздрав это такой муравейник, что и не поймешь, откуда ветер дует. Там вполне могут быть свои варианты.

– Я как-то не думал пока об этом. Всего лишь третий месяц идет, как я работаю в этой должности. А про тайны «Мадридского двора» мне, конечно, ничего не известно.

– Слушай, Иван Павлович, я в системе Минздрава работаю уже много лет и там у меня есть знакомые на разных этажах, конечно, в хозяйственных структурах. Но, вообще то, скажу тебе, хозяйственные структуры порой играют решающую роль. Я могу разузнать кое-что по этому вопросу. Как ты на это смотришь? Кстати, ближе к концу года придёт разнарядка на легковые машины. Я слышал, ты хотел купить машину? Это можно устроить, но нужно не опоздать с этим вопросом.

– Да, я бы хотел приобрести машину, новую модель «Москвича» с двигателем от шестой модели «Жигулей». Так что ты поймей ввиду, на всякий случай. Если поможешь мне, буду тебе признателен. А на счет того, кто будет директором института, пока наверно еще рано вести разведку.

– Ничуть не рано, самый раз. Надо, чтобы там знали, что у нас есть достойный претендент.

– Возможно, Игорь Юрьевич, но делать это надо с большой осторожностью. Ведь там тоже везде могут быть уши и если передадут об этом Петру Петровичу, получится неловко.

Цулая заверил Ивана, что он не новичок в этих делах, что не стоит ему беспокоиться понапрасну.

После его ухода, Иван подумал, что этот человек в определенной мере и в определенном месте может быть полезен. Пожалуй, стоит поддерживать с ним контакты, но так, чтобы не попасть в зависимость от него.

В первых числах октября состоялось второе заседание ученого совета. Главным вопросом повестки дня был конкурс в соответствии с новой структурой института. После изменения названий лабораторий и отделов все научные сотрудники, избираемые по конкурсу, были освобождены от занимаемой должности до прохождения по конкурсу. В общем-то, обычная история, и хорошо знакомая Ивану. Ему, сидящему в президиуме ученого совета рядом с Петром Петровичем и Верой Павловной, сегодня делать было нечего. Председательствующий всякий раз объявлял конкурс на замещение такой-то вакантной должности и называл фамилию претендента. Тот вставал, показывал себя перед аудиторией, хотя все знали его и без этого. Но таков был порядок. Петр Петрович спрашивал, нет ли вопросов к претенденту. Чаще всего вопросов не было, и тогда председатель совета рекомендовал включить данную

кандидатуру в список для голосования. Сначала шли руководители подразделений. В отделе дератизации не было претендента на должность руководителя. Шилова не стала участвовать в конкурсе и еще ранее подала заявление об уходе. Никто из ее отдела не стал претендовать на вакантное место. То, что Шилова отказалась от конкурса, было вполне понятно. Ей есть куда уходить, у нее остались большие связи на биофаке университета. Но почему никто из ее бывших сотрудников не осмелился претендовать на должность руководителя, оставалось непонятным. Скорее всего, это была своего рода солидарность с бывшим руководителем и выражение протеста дирекции института. Петр Петрович оставался спокойным.

Когда подошла очередь отдела дезинсекции, то оказалось, что на должность руководителя подали заявление два претендента: Дымова и Рослова. Если Дымову в институте знали все, то Рослова была новым человеком, хотя специалисты из отдела ее знали уже давно. Она много лет работала в институте тропической медицины и занималась оценкой эффективности новых инсектицидов, производных пиретроидов. Для Белецкого была подготовлена специальная информация об этих веществах, из которых явствовало перспективность в использовании их при производстве бытовых средств борьбы с насекомыми, чем давно пользуются многие зарубежные фирмы. Дымова не признавала эти средства и упорно отнекивалась от них. Формально, оба претендента стояли на одном уровне: обе доктора наук, имеют большое число публикаций, но Рослова была моложе Дымовой лет на восемь и еще не имела пенсионного возраста. Петр Петрович, представляя двух претендентов, подчеркнул это обстоятельство. Были вопросы, в основном, к новому претенденту. Та с готовностью ответила на них, и ответы только укрепили ее позицию в глазах членов ученого совета. В бюллетень для тайного голосования на эту должность были внесены обе фамилии. Выбор, таким образом, должен быть очевиден. Это, пожалуй, была единственная интрига в конкурсных делах.

Когда перешли к голосованию на должности старших и младших научных сотрудников, Петр Петрович попросил Белецкого продолжить заседание совета, по тому же образцу, как он только что делал сам. Он сослался на необходимость срочного звонка. Иван принял бразды правления. Вера Павловна передавала ему конкурсные материалы всякий раз, когда он объявлял очередного конкурсанта. Это была скучная и утомительная работа, но и ее приходилось выполнять. Единственное, что полезное извлек для себя новый заместитель директора, он сумел визуально познакомиться с научными сотрудниками института. Кроме того, ему было также интересно рассмотреть женский персонал среди научных сотрудников. Просмотрев большую часть из них, он с сожалением отметил, что это не те кадры, что были в институте гигиены, – интересных лиц он увидел очень немного. Петр Петрович появился ближе к концу заседания ученого совета.

По итогам голосования счетная комиссия констатировала положительные результаты для всех участников конкурса, что и следовало ожидать. Не прошла по конкурсу лишь Дымова. Конкурс на должность отдела дезинсекции выиграла доктор Рослова. Это сообщение было поддержано аплодисментами. В этот день ученый совет закончился к концу рабочего дня, и уже не оставалось сил для обсуждения его итогов. Петр Петрович назначил совещание вновь избранных руководителей отделов на следующий день. За час до начала совещания он просил быть у него доктора Белецкого и Веру Павловну.

А тем временем в Москву прилетел Гафаров. Он поджидал Гусина в помещении отдела дератизации. Гафаров привез с собой предварительный отчет по работе экспедиции, в том числе и финансовую отчетность. Самая неприятная часть его визита в Москву – это разговор с Цулая. Он знал, как тот относится к экспедиции и в основном понимал его. Для института, особенно, для Цулая, экспедиция не приносила никакой выгоды. Все средства от хоздоговора с сельхозпредприятием, который они выполняли в степях под Ашхабадом, уходили на содержание экспедиции. Здесь были также и средства института, включая амортизацию автомо-

билия и затраты на изготовление приманок с ядом для полевых мышей. Вот если бы он был ее руководителем, он сумел бы привлечь не одну, а три-четыре организации и получать больше денег по хоздоговорам. Глядишь, тогда можно было бы «подкормить» и Цулая и тот бы наверняка смягчился. А для этого у него сейчас в портфеле было письмо за подписью заместителя министра здравоохранения к директору института с предложением создать постоянно действующую совместную экспедицию на базе республиканской дезстанции. Условия совместной деятельности предлагалось обсудить в дальнейшем, а сейчас было необходимо лишь принципиальное согласие института. В качестве возможного руководителя экспедиции рассматривался товарищ Гафаров. О Гусине, как сотрудники института и руководители действующей экспедиции, в письме не было и слова. Поэтому Гафаров, дожидаясь Гусина, решил не говорить ему о письме и предложении Минздрава республики, а на следующий день прямо пройти к директору института.

После окончания ученого совета Гусин был раздражен. Он был переизбран на должность старшего научного сотрудника отдела городской дератизации, но не видел себя в этой должности. Из отдела ушла его наставница, которая всегда поддерживала его, но в отделе остался Мельников, его оппонент и открытый противник. Он то, как раз и занимается дератизацией в условиях города и оказался сейчас в фаворе у руководства института. А он, Гусин, остался один. Алевтина, единственный научный сотрудник, которая понимала и поддерживала его, сейчас находилась в экспедиции.

– Привет, – протянул руку Гафарову Гусин, – что так долго не приезжал? Ты знаешь, что Шилова уволилась?

– Как уволилась? Почему? Кто ж теперь руководитель отдела?

– Никто. И отдела такого больше нет. Теперь есть отдел городской дератизации и никакой экспедиции при нем. Все, спета наша песенка.

– Какая песенка? – ошарашенный этим известием Гафаров не понял русской поговорки, – я привез предварительный отчет по экспедиции и финансовый тоже. Я был в Минздраве республики и там договорился о продлении сроков экспедиции. У меня есть заказы от трех организаций на хоздоговора. Что теперь делать?

– Не знаю, – резко ответил Гусин, – кому они теперь нужны? Пришел новый зам, он то и придумал эту перестройку. Рано я начал свою активность, этим все и сгубил. Надо было сперва укрепить позиции, а потом уж заявлять о своих претензиях на должность зам директора института. Понимаешь? Петр Петрович меня опередил и сделал превентивный шаг: занял вакантную должность зама другим человеком.

– А кто он? Вы его не знали раньше?

– Никто не знал. В нашей профессии он новичок, но доктор медицинских наук, гигиенист, токсиколог. У него крепкая «рука» в Минздраве и райкоме тоже. Если хочешь, можешь познакомиться с ним. Ладно, давай посмотрим, что там у тебя получилось с отчетами.

Гафаров достал из портфеля папку, содержащую необходимые бумаги. Там были данные об эффективности метода контроля полевых грызунов, которые использовали в экспедиции. Надо сказать, что этот метод контроля разработал сам Гусин под руководством Шиловой, поэтому он был кровно заинтересован в его эффективности. Увидев результаты исследования, он порадовался за себя и тут же огорчился, что никто не понимает значимости его метода. По крайней мере, в этом институте. В глубине души он надеялся на свою «шефиню» Шилову, что там, где она сейчас работает, найдется местечко и для ее любимого ученика. Но сперва надо отчитаться по экспедиции. Завтра с утра – отчет у Цулая, потом визит к Петру Петровичу. Может быть, завидя эти материалы, он переменит свою точку зрения в отношении экспедиции.

Но не всегда бывает так, как задумашь. Утром следующего дня Цулая не было в институте, обещал быть только после обеда. У директора совещались руководители подразделе-

ний. И это должно быть надолго. Петр Петрович любил основательно поговорить со своими коллегами. Пришлось ждать своего часа. А пока Гафаров рассказывал в подробностях, как идут дела в экспедиции. Гусин попросил Лидию Ивановну сообщить ему, когда появится Цулая и предупредить его, что приехал Гафаров с отчетом. После обеда раздался долгожданный звонок секретаря и через пять минут они уже стучались в дверь Цулаи. Тот был несколько взъерошен и чем-то озабочен. Он не без раздражения стал просматривать финансовый отчет Гафарова, потом спросил:

– Ну и что ты собираешься делать с имуществом экспедиции? Тебе наверно уже известно, что экспедиция закрывается и до конца года все надо вернуть в институт.

– Забирайте, если вам нужен этот хлам. Но только знайте, что машина своим ходом до Москвы не доедет.

– Хорошенькое дело. Перевозка всего этого, как ты выразился «хлама», будет стоить дороже, чем все это хозяйство.

– А можно все это списать или передать безвозмездно новой экспедиции? – спросил до сих пор молчавший Гусин.

– А вы что собираетесь открывать там новую экспедицию? Интересно, под чьей это крышей. Вам известно, что институт больше не желает вешать себе на шею все это хозяйство.

– Послушать вас, так в стране больше нет институтов, заинтересованных в проведении таких работ. Например, в системе Минсельхоза могут найтись более понимающие руководители.

Цулая понял, в чей огород направлен камень. Он понял также, что дальнейшая дискуссия может привести к очередному скандалу, потому предложил продолжить разговор в кабинете Петра Петровича. В конечном счете, судьба экспедиции и все материальные вопросы, связанные с ней зависят только от него. Ведь он директор и главное материально ответственное лицо. Предложил всем пройти к Петру Петровичу, но Лидия Ивановна остановила их, сообщив, что у директора совещание руководителей отделов. Снова пришлось ждать. Цулая ушел к себе и от туда позвонил к директору по внутреннему телефону. Тот долго не брал трубку, а потом сообщил, что сейчас он занят и что с этим вопросом лучше всего обратиться завтра. Цулая объяснил, что Гафаров улетает сегодня вечером, а он должен получить указания, что делать с хозяйством экспедиции.

– Какой ты пристаучий, Игорь Юрьевич, – выругался директор, – ты что, не можешь сам решить этот вопрос. Это твое хозяйство, вот и решай.

– Они просят о списании или передаче другой экспедиции.

– А кто это они?

– Гафаров и Гусин.

– Понятно. И Гусин тоже. Послушай, я же тебе сказал, что сейчас у меня совещание и освобожусь, может быть не раньше, чем через полчаса. Закончим, тогда и приходите.

Петр Петрович к концу совещания с руководителями отделов довольно устал, лицо его посерело, голос немного охрип и движения, обычно энергичные, несколько увяли. Это было заметно многим, потому активность руководителей также пошла на убыль.

Доктор Белецкий вмешался в ход дела, предложив на сегодня остановить разгоревшуюся дискуссию, а продолжить обсуждение наболевших вопросов в следующие разы и не все сразу, а по частям, по отдельным темам. Дирекция берется подготовить перечень наиболее горячих вопросов и согласовать его с руководителями. Иван посмотрел в сторону Веры Павловны, и та поняла, что доктор Белецкий в очередной раз подбросил ей дополнительную работу. Предложение Белецкого поддерживали все руководители, потому что устали. И когда Петр Петрович объявил о закрытии совещания, все с явным облегчением стали подниматься со своих стульев, расправляя плечи, продолжая что-то обсуждать с коллегами, направились

к выходу. В дверях приемной там уже ожидали своей очереди Цулая, Гусин и Гафаров. Завидя их, директор задержал Ивана, понимая, что без него здесь не обойтись. Иван с неохотой остался сидеть на своем месте.

– Что будем делать с экспедицией, Петр Петрович? – спросил Цулая как только вошел в кабинет.

– А что тут делать. Решение ученого совета вам известно? Экспедиция завершается до конца года. При новом отделе дератизации экспедиции больше не будет. Значит вам, Игорь Юрьевич, сейчас надо принять материальные ценности и закрепить все это соответствующим актом. У вас есть другие предложения?

– Вот Гафаров предлагает списать все имущество. Говорит, что грузовик наверняка не доедет до Москвы и остальной хлам везти сюда будет дороже, чем его выбросить, списать или передать новой экспедиции.

– Никакой новой экспедиции нет, насколько я знаю. Или уже появилась? – Петр Петрович пристально посмотрел на Гафарова, потом на Гусина, – я что-то не понимаю.

Вмешался Гафаров. Он робко достал из своего портфеля тоненькую папку, в которой хранилось письмо заместителя министра директору института дезинфекции, и протянул Петру Петровичу.

– Это вам, Петр Петрович. Здесь все изложено.

Петр Петрович взял папку, достал из нее лист бумаги на фирменном бланке и углубился в чтение.

– Что это? – тихо спросил Гусин Гафарова, – почему мне ничего не сказал? – Гусин явно был раздражен.

– Так, ну это уже кое-что. Вот что я вам скажу. Сходу этот вопрос не решить. – Петр Петрович протянул папку Ивану и продолжил. – Познакомься, пожалуйста, с этим письмом, – посмотри, может быть в этом и есть смысл. Давай мы с тобой завтра обсудим это предложение. А пока Игорь Юрьевич познакомься с хозяйственным отчетом по экспедиции, ведь она еще не завершена, и дай свои соображения по этому поводу. Это тоже обсудим позже. Ну как там работа, – обратился Петр Петрович к Гафарову, – все нормально, без инцидентов? Все же там наши люди.

К Гусину Петр Петрович не обратился ни с одним вопросом, как будто его и не было в этом кабинете. Он помнил о нанесенной ему обиде и умел все расставить на свои места. Для него Гусин как будто не существовал совсем. Этого не мог не заметить Гусин. Сейчас он еще раз понял, что ему больше нечего делать в этом институте, он пошел на риск и проиграл. Но каков Гафаров? И он за его спиной вел свою игру. Гусин не оставался в кабинете более ни одной минуты. Не попрощавшись ни с кем, он вышел и направился в свой отдел. На душе лежал камень, здесь у него больше не оставалось товарищей. Он не стал дожидаться прихода Гафарова и через минуту быстро шел в сторону метро. На следующий день он подал заявление об уходе из института.

Глава 8. Поездка в Эрфурт

Прошло несколько дней. Вопрос об экспедиции так и не был решен. Пока. Гафаров улетел к себе в Туркмению, Гусин собрался уходить из института. Сейчас никто не мог ответить на вопрос, что делать с экспедицией, нужна ли она институту? До окончания работ оставался месяц, тогда по их результатам и будет решена ее судьба. А пока было ни мало других дел и среди них просмотр почты, которую, практически всю, Петр Петрович перегрузил на своего зама. Объем почты увеличивался с каждым днем, как будто директор хотел все в большей степени ознакомить Ивана с текущими вопросами. Большинство писем Белецкий расписывал без проблем, а те, по которым он не знал, как поступить, отправлял Вере Павловне или приходил с ними к Петру Петровичу за советом. Вот и сейчас среди таких писем оказалось одно на бланке Минздрава с предложением от международного отдела. В письме сообщалось, что институт гигиены города Эрфурта приглашает с деловым визитом руководителей института дезинфекции с целью развития научного сотрудничества. На письме пометка Минздрава: для подготовки ответа и предложений к визиту. Ивану был понятен смысл запроса из Эрфурта, но принимать решения по этому вопросу без директора он не мог. Так, по крайней мере, было всегда в его бывшем институте. Он поднял трубку и набрал номер директора.

– Письмо из Минздрава, Петр Петрович, сам я не могу решить этот вопрос. Можно к вам зайти?

– Чего ты спрашиваешь. Конечно, можно, – Петру Петровичу всегда нравилось, когда Белецкий нуждался в совете директора. Это льстило его самолюбию, и всякий раз он готов был замурлыкать, как старый кот.

– Ты что-нибудь знаешь о таком сотрудничестве? – спросил Белецкого директор, – приходилось бывать в этих странах?

– Приходилось, и не раз, – ответил Белецкий, – в Болгарии, Польше, Венгрии. И в ГДР тоже довелось побывать. Там мы проводили совещания сотрудничающих стран по проблеме гигиена. Однако организатором этих работ был наш Минздрав, отдел международного сотрудничества. Я так понимаю, что в рамках стран-членов СЭВ сейчас не проводится регулярная работа по обмену опытом, возможно, кооперацией работ между различными институтами.

– Ишь, куда хватил. Кооперацией. Ты, видать, еще не совсем вошел в курс дела, какие научные силы есть в наших странах. С кем кооперироваться? У вас в институте наверно был сильный международный отдел, а у меня – Мамонова. Она вообще ничего не хочет делать. Ей что ни предложишь, только отмахивается, дескать, зачем это надо или это невозможно. Словом, Иван Павлович, бери это письмо и займись сотрудничеством.

Выходя из кабинета директора, Иван довольно потер руки, сказав про себя: «Давненько я не брал в руки шашек». Действительно, уж не один год прошел с тех пор, как он побывал в последней зарубежной командировке. Даже трудно было сейчас припомнить, что это было? Наверное, Копенгаген по линии ВОЗ. Афганистан в данном случае Иван не считал за научную командировку. Это скорее была служба или работа за рубежом. Так, с чего начать? Прежде всего, надо пригласить Мамонову и выяснить, что ей известно о научных институтах, занимающихся проблемой дезинфекции в странах-членах СЭВ, какие были последние командировки по этой линии и есть ли формальный план мероприятий, совместных с зарубежными странами. Одним словом, пора вплотную заняться международным сотрудничеством. Он пригласил к себе Мамонову.

Минут через десять в кабинет Белецкого плавно вошла интересная блондинка с округлыми формами, излучавшая улыбку и готовность выполнить всякое задание своего патрона.

Предложив присесть ближе к нему, Иван попытался как можно вежливей расспросить о состоянии дел в международном отделе. Оказалось это не просто. Какие-то вопросы она не могла сразу понять, на какие-то отвечала так, что и Иван не мог понять смысла ее слов. А когда речь дошла до планов международного сотрудничества, она не стесняясь и не испытывая неловкости, словно так и должно быть, ответила, что никаких планов нет и раньше их и не было, что Петр Петрович не ставил перед ней такую задачу. Не зная, как вести с этой дамой переговоры, Иван протянул ей письмо.

– Пожалуйста, полюбопытствуйте и подскажите, как нам поступить в этой ситуации.

Мамонова взяла листок, раскрыла очечник, и водрузила элегантные позолоченные очки к себе на переносицу. Очки шли к ее лицу, и при них она становилась еще симпатичней. Людмила Ивановна прочла письмо и повернула свое личико в сторону Ивана, помолчала минуту, как бы размышляя над тем, что тут можно ответить, потом пожала плечами и улыбнулась, возвращая письмо.

– Ах, Иван Павлович, я право не знаю, как ответить на это письмо. Здесь говориться о руководстве института, значит, могут поехать директор или его зам, то есть вы.

– Или вы, как руководитель международного отдела.

– Вы думаете, что и я могла бы поехать? С Петром Петровичем или с вами? А когда ехать? – оживилась Мамонова.

– Сделаем так. Прошу вас подготовить письмо за подписью директора института в адрес Минздрава составителю данного письма и в письме дайте понять, что институт готов к деловому визиту с целью развития международного сотрудничества. Состав делегации уточните у Петра Петровича. Возможные сроки командирования – отсчитайте не меньше месяца от сегодняшнего дня. Нужно отвести время для получения виз и заказа билетов. Лучше всего, если это будет конец ноября – начало декабря. Письмо дадите мне на визу. Вот, пока все. – Иван также старался отвечать улыбкой на улыбку Людмилы Ивановны. Та поблагодарила Ивана и направилась к двери. «Интересная женщина, – подумал ей в след Иван, – жаль, что уже не молода и излишне полновата. Хотя в для ее возраста это нормально».

Людмила Ивановна выйдя из кабинета Белецкого, решила по горячим следам попроситься к директору. Тот принял ее и с улыбкой ждал, что она ему скажет. Он уже понял, что та получила указания от его зама.

– Петр Петрович, разрешите? – Мамонова протиснулась в кабинет директора и энергично подошла к его столу, – Я от Ивана Павловича. Он мне поручил подготовить письмо в Минздрав на счет поездки в Эрфурт. Он считает, что в составе делегации должна быть и я, как руководитель международного отдела. А кто возглавит делегацию? Наверно, вы, как директор института.

– Совсем не обязательно. У Ивана Павловича богатый опыт международного сотрудничества. Вот пусть он и возглавит делегацию. Он мой зам, ему и карты в руки. Значит так. Сейчас готовь письмо. Поедите вдвоем. Времени осталось мало. Завтра же отправляйся в Минздрав и начинай оформление документов. Письмо дай мне на подпись до конца дня. Вопросов больше нет? Тогда свободна.

Людмила Ивановна поблагодарила Петра Петровича за ценные указания и поспешно удалилась. На душе у нее было и тревожно и радостно. Тревожно – за предстоящие хлопоты и необходимость все приготовить в короткие сроки, а радостно за то, что это была ее первая научная командировка за границу. Это всегда престижно, особенно на фоне того, что сотрудники института вообще крайне редко выезжают за рубеж. Уж она-то это знает, как руководитель международного отдела. А, кроме того, поездка совместно с Белецким, да еще за границу. Он такой красавчик. Всю неделю быть вместе, аж, дух захватывает. Придя к себе, Людмила Ивановна энергично взялась за подготовку письма.

Ближе к концу года деловая активность все возрастала. Шла работа по подготовке научного отчета за год, и одновременно с этим до конца года на ученом совете нужно было утвердить план научных исследований на следующий год. И то и другое отнимало много времени от рутинных обязанностей заместителя директора института. Иван хотел, чтобы эти материалы получились лучшим образом, ведь это были его первые материалы, которые пойдут в Минздрав от него, как нового заместителя директора по научной работе. Он загружал работой и Веру Павловну и Вадима Алексеевича. Последний выражал недовольствие таким высоким требованиям. Он всякий раз вполголоса высказывал недоумение по поводу тех или иных вопросов, которые ставил перед ним Белецкий. Вера Павловна ничего не говорила в ответ, лишь склонив на бок свою кудрявую головку, старательно записывала в свой блокнот, что ей надиктовывал Белецкий. В такой обстановке чувства, получившие начальный толчок в первые месяцы совместной работы и тот невинный поцелуй, отошли на задний план, как будто их и не было вовсе. Ко всему к этому Вере Павловне стало известно о предстоящей поездке Белецкого совместно с Мамоновой в Эрфурт и от того она совсем приуныла. Она знала, что Людмила Ивановна – дама незамужняя и при ее внешности ничего не стоит соблазнить Ивана. Как-то оно все будет?

Отъезд в Эрфурт был назначен на 22 ноября. Это был воскресный день. Поезд отходил от Белорусского вокзала в пять часов. Людмила пошла проводить Ивана. Почти год, как он вернулся из Кабула и с тех пор ни разу не покидал ее. Правда, на сей раз, он уезжает всего лишь на неделю и в следующее воскресенье в это же время вернется в Москву. Это обстоятельство ее несколько примеряло с разлукой с мужем. Иван и Мамонова встретились в купе, которое оказалось двухместным и довольно тесным. Когда подошли к купе, там уже ворочал чемоданом рослый мужчина, провожавший Мамонову. Разместившись в купе, Иван вышел с супругой на перрон подышать прохладным воздухом уже наступившей зимы. В вагоне было душно. Но вот объявили отправление и Иван, быстро поцеловав Людмилу, поднялся в вагон, помахал рукой в окно и вошел в купе. Там уже хозяйничала Мамонова. Ее пальто висело на вешалке, на столике стояла бутылка с водой и какая-то коробка. На сетчатой полочке она пристроила свои туалетные принадлежности.

- Располагайтесь, Иван Павлович. Нам здесь предстоит прожить почти сутки.
- Да, далековато поездом. Может быть, лучше было лететь самолетом?
- Я не люблю летать. Поездом спокойнее, да и куда спешить?
- И то верно.

Поезд набирал скорость. За окном быстро стемнело, и уже не было видно подмосковных станций. Мамонова решила переодеться и попросила Ивана выйти на время в коридор. Минут через десять она открыла дверь купе и предложила войти. Следующим переодеться стал Иван. Он достал свой спортивный костюм «Адидас», приобретенный в магазине «Березка», темно-синего цвета с белыми вставками, и также попросил Мамонову оставить его одного. Через четверть часа оба были готовы к вечернему отдыху в двухместном купе международного поезда «Москва – Берлин». Попросили чаю. Достали припасенные с дома продукты на ужин и, уютно разместившись за столиком, принялись было за вечернюю трапезу. Но тут Мамонова достала из сумочки небольшую бутылку с жидкостью темно-красного цвета. Предложила отведать рябиновой настойки собственного приготовления. Иван не отказался от предложения. Настойка оказалась довольно крепкой и приятной на вкус. За ужином вели неспешный разговор об институтских делах и делах семейных. Оказалось, что Людмила Ивановна работает в международном отделе лишь два года, а до того она занималась микробиологией в другом институте, там и защитила кандидатскую диссертацию. Сейчас она не замужем. Дочь живет отдельно от нее.

– И не скучно вам одной, без мужа? – спросил Иван, взглядываясь в лицо своей попутчицы.

– Разве я похожа на одинокую женщину, с моей-то внешностью, – несколько кичливо и с вызывающей улыбкой ответила Людмила Ивановна.

– Извините. Вы правы, не похожа. С вашей внешностью наверно трудно долгое время оставаться одной. Вас провожал ваш друг? Солидный мужчина.

Людмила Ивановна с удовольствием кивала головой в знак согласия и признательности Ивану за высокую оценку ее друга. После ужина Иван извинился и полез на свою полку. Подправил повыше подушку, включил местный свет и с удовольствием развернул воскресную газету. Мамонова чем-то шуршала внизу. Потом, через некоторое время ее голова показалось на уровне лица Ивана. Она спросила его, хорошо ли он устроился и можно ли погасить общий свет. Пожелала спокойной ночи. Посмотрела так, словно хотела поцеловать его на ночь, и опустилась на свою полку. Вагон мягко скользил по рельсам, перестуки были едва слышны. Вскоре Иван отложил газету, выключил местный свет и повернулся лицом к стенке. Он спал без сновидений. Проснулся лишь один раз, когда была какая-то шумная станция и ярко освещенные платформы. «Может быть, Минск?» – подумал он, и вскоре вновь заснул.

После утреннего чая была граница и проверка документов, переход на европейскую колею, а потом – заграница. В Берлине все получилось, как в сказке. Поезд на Эрфурт стоял на соседней платформе и как будто ждал их. В купе напротив них сидел какой-то молодой немец и аппетитно грыз орешки, разламывая их и запивая пивом. Иван заметил, что рядом с пивом стояла пара бутылочек с прозрачным спиртным напитком, к которому он время от времени прикладывался. Ивану нестерпимо захотелось вот также уютно устроиться в купе и потягивать пивко, закусывая орешками, а, может быть, и чем ни будь еще. Он спросил Мамонову, не желает ли она подкрепиться немного с пивом и шнапсом. Та согласилась. Иван спросил соседа сначала по-русски, потом по-английски, где здесь все это можно купить? На английскую речь тот живо откликнулся и уже совсем скоро Иван вернулся с двумя пакетами. В одном из них были бутерброды с ветчиной, в другом – пара бутылочек шнапса и несколько бутылок пива. Про орешки Иван забыл. Ну, вот, совсем другое дело. Так можно ехать до самого Эрфурта. Сосед оказался довольно разговорчивым парнем, он неплохо говорил по-английски и с удовольствием составил компанию. Через четыре часа, когда уже опять стемнело, поезд прибыл в Эрфурт и на платформе их встречали два молодых человека. Русских гостей они сразу узнали.

– Бружес, – один из них, худой, узколицый и в очках протянул руку для приветствия. Он говорил по-русски. – А это мой коллега Мартин.

Знакомство состоялось. На привокзальной площади их ожидал легковой автомобиль размером чуть меньше «Жигулей». Это была машина Мартина. Погрузили вещи, разместились в этой машине и совсем скоро оказались перед зданием гостиницы. Бружес объяснил, что это новая часть города была построена после войны, а институт, куда они поедут завтра, находится в старой части, на другом конце города. Гостиница представляла собой жилое многоэтажное и многоквартирное здание. По своей планировке она напоминала обычные квартиры, какие бывают в жилах домах. Дежурная, сидящая внизу, радушно приветствовала гостей и вручила им один ключ на двоих. Поднялись на свой этаж, нашли свой номер, ключом открыли дверь и оказались в просторной двухкомнатной квартире. Каждому представлялась отдельная комната, но душ и туалет были общими, впрочем, как и кухня. Бружес, завидя все это, выразил удовлетворение, сказав, что так вполне удобно. Он оставил бумажный пакет, в котором было все приготовлено для ужина, и объявил на прощанье, что завтра в девять за ними приедет машина. Попрощался и оставил гостей одних.

В пакете лежали две колбаски, упаковка сыра, хлеб и две бутылки пива. Этого вполне хватило, чтобы отойти ко сну без чувства голода. Решили, что большая комната, где помимо кровати, стоял диван и письменный стол, по праву начальника достанется Белецкому. Вторая комната, поменьше размером, отошла Мамоновой. Ужин, туалет, душ и «спокойной ночи».

Здесь не было стука колес, и, может быть потому, Иван спал не очень спокойно. Впрочем, так было всегда, особенно в первый день, когда он поселялся в заграничной гостинице. Всякие мысли о предстоящем визите не давали спокойно заснуть и беспокоили его во сне. Мамонова тоже спала не очень спокойно. Она пару раз выходила из своей комнаты, и Ивану показалось, что она останавливалась перед его дверью, как бы прислушивалась. «Может быть, ей что-то нужно, но она стесняется его спросить?» – подумал Иван, но вскоре заснул. Утром институтская «Волга» катила по старинному городу, и шофер пытался что-то на немецком языке объяснить своим пассажирам, указывая на отдельные здания. Иван кивал головой, как будто понимал его, а скорее догадывался, о чем идет речь. Он не знал немецкого языка и никогда не старался им овладеть. Его рабочим языком был английский.

Профессор Хорн, директор института, принял их как долгожданных гостей. Может быть, это и было все так на самом деле, так как он давно хотел возобновить сотрудничество с советским институтом. Об этом его также просили его сотрудники, желавшие подробнее ознакомиться с опытом работы русских специалистов. Дядюшка Хорн, так в шутку и с любовью звали его сотрудники, был невысокого роста и крепкого телосложения. Крупная седая голова уверенно сидела на его широких плечах. Рукопожатие было сухим и крепким. Чем-то он напоминал Петра Петровича, хотя был несколько моложе.

Он усадил гостей и предложил чаю или кофе. Мамонова согласилась на кофе. Секретарша вкатил в кабинет тележку, и он сам, своими руками поставил чашечку кофе перед госпожой Мамоновой. Он был галантен с ней, и казалось, что она понравилась ему, прежде всего, как женщина. Начались переговоры со спокойной беседы, в которой профессор Хорн не спеша рассказывал о своем институте. В переговорах участвовали заместитель директора и Бружес, обеспечивавший перевод на русский и обратно. Затем Иван развернул лист бумаги, на котором были изложены предложения к сотрудничеству от института дезинфекции, и предложил профессору Хорну познакомиться с ними и выставить свои контрпредложения. Такой деловой подход понравился директору, и он с улыбкой отметил это, слегка польстив Ивану. Договорились, что в последующие дни возможна стыковка взаимных интересов и выбор конкретной совместной тематики. Далее гости перешли в руки заместителя директора. В его кабинете их вновь угощали чаем и бутербродами. После обеда была устроена обзорная экскурсия по городу. Бружес объяснил им, как можно добраться до института на городском транспорте, так как в следующие дни им придется пользоваться трамваем. Помимо величественного Домского собора гостям показали магазины в центре города, пешеходную улицу, привокзальную площадь и ресторанчик, где всегда можно недорого перекусить вареными колбасками с пивом, а также взять с собой, если есть желание поужинать в гостинице.

В конце концов, их оставили на центральной площади недалеко от лютеранского храма. Здесь был трамвайный круг, и отсюда можно было доехать как в новую часть города, так и в сторону института. Этот вечер они решили ужинать в гостинице и наконец-то расслабиться: первый день переговоров, новые знакомства, и беседы вызвали определенную усталость, и Иван просто хотел отдохнуть. К ужину купили колбаски, готовый салат из овощей, бутылку шнапса и багет белого хлеба. Не забыли и про сладкую немецкую горчичку. Сидели на кухне и наслаждались вкусной едой. Затем перешли в большую комнату и включили телевизор. Все же было интересно, что показывают в Эрфурте или Берлине, даже если и здесь как в Москве на большинстве каналов был Горбачев.

– А я тогда, в купе думала, будет он ко мне приставать или нет? – Людмила Ивановна сидела рядом с Иваном и своей грудью налегала на его плечо. – Я не могла уснуть, все ждала, когда ты начнешь приставать ко мне. Так и не дождалась.

– Людмила Ивановна, в самом деле, за кого вы меня принимаете? Ну как я мог приставать к малознакомой женщине, да еще к такой солидной даме. Как вы могли подумать такое?

Потом репортаж сменился концертом эстрадной музыки, и зазвучали приятные мелодии разных стран. Мамонова пригласила Ивана на танец.

– Вы любите танцевать? – Мамонова прижималась к Ивану своей пышной грудью и заглядывала в его глаза, – так редко бывают такие минуты, когда танцуешь с мужчиной, который тебе очень нравится.

Иван молчал и никак не реагировал на телесные контакты Людмилы Ивановны во время танца. Его смущали несколько обстоятельств и среди них, по крайней мере, были два или три. Первое то, что он был заместителем директора и должен, по всей видимости, соблюдать дистанцию, второе, что она была заметно старше, и, кроме того, его никак не влекло к ней. Хотя она была весьма привлекательной. Но, может быть, что-то изменится за эти дни?

После танца Иван пригласил Мамонову на кухню. Там еще достаточно было шнапса. Налил по рюмке и предложил выпить за взаимопонимание. Людмила Ивановна выдавила из себя улыбку и вопросительно посмотрела на Ивана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.